

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т Р У Д Ы
И Н С Т И Т У Т А
Я З Ы К О З Н А Н И Я

Том VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1956

К. В. Кауфман

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОГДИЙСКОГО ЯЗЫКА

Перед всяким исследователем согдийского языка и памятников согдийской литературы неизбежно встает вопрос о соотношении по языку различных групп памятников согдийской письменности, вопросы истории согдийского языка и согдийской диалектологии. По внешнему признаку — по признаку письменности — памятники согдийской письменности можно разделить на четыре группы:

- 1) памятники, написанные согдийским алфавитом;
- 2) памятники, написанные алфавитом, употреблявшимся для записи манихейских текстов;
- 3) памятники, написанные сирийским алфавитом (христианские религиозные тексты);
- 4) особым алфавитом написано несколько памятников бухарской эпиграфики¹.

С точки зрения языка, первая группа памятников также имеет ряд общих черт: наличие препозитивного артикля, шестипадежной системы именного склонения, более или менее последовательное (так же, как и выражение падежных различий) действие ритмического закона Тедеско (о чем см. ниже) и др.

Вторая группа в языковом отношении не представляет единства: часть памятников, написанных манихейским письмом, по языку тяготеет к первой группе, часть — к третьей.

Третью группу составляют памятники христианской переводной литературы, также имеющие ряд общих для всей группы языковых отличий².

Разобранные в настоящее время надписи на бухарских монетах и предметах материальной культуры (четвертая группа памятников) невелики по своему размеру. Они дают достаточный материал для того, чтобы с уверенностью сказать, что язык их — согдийский, но судить об особенностях языка этой группы мы не можем.

¹ В. А. Лившиц, И. М. Дьяконов, К. В. Кауфман. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, № 1.

² Христианский текст, написанный согдийским алфавитом, по языку не отличается от прочих христианских текстов.

Так как значительную часть памятников первой группы составляют буддийские переводные тексты, в согдологической литературе за языком этих памятников укрепилось название согдийско-буддийского. Однако сюда же относится и значительное количество оригинальных согдийских памятников и манихейских текстов. Следовательно, определение языка этой группы памятников, как согдийско-буддийского — неправомерно.

Р. Готье предложил называть письменность и язык этой группы памятников национальными согдийскими. Для нас этот термин неприемлем, так как о национальном языке в этот период речи быть не может. Речь может идти лишь о языке согдийской народности. Но нам неизвестно реальное соотношение языка этих памятников и живого согдийского языка данного периода. Так как к этой группе относятся и памятники религиозной литературы, переведенные с различных языков, и дошедшие до нас обрывки согдийской научной литературы, и документы хозяйственной отчетности, и ряд писем (мугский архив), и, наконец, единственный дошедший до нас памятник художественной литературы — отрывок сказания о Рустеме, — мы будем именовать язык этих памятников литературным согдийским языком и попытаемся выяснить его отношение к языку других групп памятников¹.

В согдологической литературе языковые различия перечисленных групп памятников были приняты за диалектные, и в научной литературе появились термины — согдийский христианский и согдийский манихейский диалекты, затем прибавился согдийский буддийский диалект².

Согдийский манихейский диалект *-l-* и согдийский христианский диалект *-d-* выделяет Ф. Андреас, приписывая манихейскому диалекту переход $\delta, t \rightarrow l$ на основании двух фактов: графического (употребления для передачи *-δ-* арамейского лямеда) и китайской транскрипции термина *suṛōik*, как *su-li*. Но тут же Андреас замечает, что между языком манихейских и христианских текстов есть и хронологическое различие: манихейские формы более древние, в то время как язык христианских текстов является переходным к новосогдийскому — ягнобскому языку³.

Уже В. В. Бартольд заметил здесь противоречие: с одной стороны, в манихейском диалекте представлены более древние формы, с другой —

¹ К памятникам первой группы относятся и найденные А. Стейном в Дунь-Хуане „Старые письма“ — несколько частных писем, датированных IV в. н. э. Но язык „Старых писем“ имеет ряд особенностей, отличающих его от литературного языка.

² Первому этапу истории изучения согдийского языка посвящена работа В. В. Бартольда. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Сб. Иран, т. I, Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 30.

³ F. C. Andreas. Zwei soghdische Excurse zu W. Thomsens: Ein Blatt in türkischer Runenschrift. S P A W, 1910, XV, стр. 307 и сл.

переход $\delta \rightarrow l$, отсутствующий в согдийском — христианском диалекте, говорит о более позднем характере языка манихейских текстов¹.

Р. Готью противопоставляет „согдийскому манихейскому“ и „согдийскому сирийскому“ — „национальный согдийский“ — письменный, литературный согдийский язык, сравнительно строго сохраняющий историческую орфографию и старые грамматические формы. На этом же языке (и этим же письмом) написаны документы, найденные Стейном в Дунь-Хуане („Старые письма“. — К. К.) буддийские тексты, Карабалгасунская манихейская надпись и др.

В текстах, написанных манихейским и сирийским письмом, традиция отброшена, они ближе к живому языку этого периода².

Ф. А. Розенберг, точно так же отмечает, что буддийские тексты наиболее консервативны по языку, в то время как манихейские и христианские тексты дают нам более позднее состояние языка, их язык ближе к разговорному.

Однако Ф. А. Розенберг не считает возможным объяснить „стертость“ форм одним лишь хронологическим фактором. Здесь имеется, по его мнению, и географический фактор — диалектные различия. Одним из диалектных признаков Ф. А. Розенберг считает переход $d \rightarrow l$ ³.

Не исключает диалектного расхождения между памятниками и Р. Готью, признающий наличие фонетического перехода $\delta \rightarrow l$ в согдийском — манихейском диалекте⁴.

Так как вопрос о наличии фонемы $-l-$ и фонетического перехода $d \rightarrow l$ в согдийском языке имеет существенное значение для согдийской диалектологии и поскольку почти всеми исследователями он связывается с разрешением поставленной нами проблемы — выяснением языкового соотношения различных групп памятников, — он требует специального обсуждения.

Звук $-l-$ в иранских языках позднейшего происхождения, авестийский и древнеперсидский языки его не знают. Основной словарный фонд согдийского языка также не имеет исконного l . Однако, по мнению большинства согдологов, в конце среднеиранской языковой эпохи в согдийском языке имел место переход $\delta \rightarrow l$ и наличие фонемы l , так же как и в сакской группе восточноиранских диалектов. Ф. Андреас и Р. Готью считают этот переход свойственным восточным говорам согдийского языка (на основании китайской транскрипции *s'wduyk* или

¹ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 30.

² R. Gauthiot. Gr. I, стр. XIII, 21—22, 26.

³ См. „Зап. Вост. отд. Русск. арх. об-ва“, т. XXVI, стр. 90; „Изв. АН СССР“, 1927, стр. 1376.

⁴ Gr. I, стр. 13, 139. Р. Готью отвергает довод, служивший Ф. Андреасу основанием для утверждения, что в „манихейском диалекте“ наблюдался переход $\delta \rightarrow l$ — употребление арамейского лямбда для передачи звука δ . Готью видит здесь лишь графическое смешение знаков (см. об этом ниже). Однако Р. Готью оставляет в силе вывод Ф. Андреаса.

swrδuk как *su-li*; для Андреаса, кроме того, основанием является передача в манихейской письменности звука δ знаком для l)¹.

В. Хеннинг, наоборот, считает, что этот переход свойствен западным говорам на основании заимствований из согдийского языка в персидский (правильнее в таджикский. — К. К.) слов с $\delta \rightarrow l$ и выбора в согдийском алфавите арамейского знака для l — лямеда — для передачи фонем δ и ϑ ².

Проф. А. А. Фрейман, рецензируя статью В. Хеннинга, посвященную этому вопросу, высказал следующие возражения: 1) нет никаких оснований предполагать, что заимствования в персидский язык, перечисленные Хеннингом в указанной статье, делались именно из согдийского языка (а не из афганского, например, или других восточноиранских диалектов, имевших переход $d \rightarrow l$), так как все эти слова — старое иранское наследие; 2) уйгуры использовали согдийский знак - δ - для передачи своего - d -, а для передачи звука - l - взяли согдийский знак для - r -; 3) ягнобский язык, являясь одним из западных согдийских говоров, не имел перехода $\delta \rightarrow l$.

Нельзя отрицать возможности перехода $\delta \rightarrow l$ или, во всяком случае, наличия варианта фонемы - δ -, близкого к - l - для некоторых согдийских говоров, пограничных с сакскими, где этот переход имел место. Однако согдийский язык, представленный центральными говорами (Самарканд, Бухара), фонемы l не имел³.

В подавляющем большинстве заимствованных в согдийский язык слов - l - передается через r , например: *šrwk'*, санскр. *śloka* — название стихотворного размера, Р₂, 605 и др.; *mntr*, санскр. *maṇḍala* — „круг“, „замкнутая фигура“, Р₃, 162; *putr'k*, санскр. *potalaka* — „пристанище“, Р₇, 5; *rwk'yuntr r't*, санскр. *lokendrarāja* — „господин вселенной“, Р₇, 26; *rwkδ't*, санскр. *lokadhāta* — „элемент мира“, Р₂, 1193; *rwkp'r*, санскр. *lokapāla* — „защитник страны света“, Р₈, 39; *mγ'k'r*, *mx'qry* (в христ. текстах) — „Аполлон“, санскр. *mahākāla* — „название божества“. Через - r - (с диакритическим знаком или без него) передаются все тюркские имена собственные, и, наконец, уйгуры для передачи - l - употребляют согдийский знак для - r - с диакритическим знаком.

В нескольких случаях в заимствованных словах - l - передается не через - r -, а через δ : *δwk'*, санскр. *loka* — „мир, вселенная“, Р₂, 576 и др.; *kδp'*, санскр. *kalpa*, Р₂, 1084, ср. *krph* — „эпоха“, Р₆, 77, 78; *δykh*,

¹ F. C. Andreas. Zwei soghdische Excurse zu W. Thomsens: Ein Blatt in türkischer Runenschrift. SPAW, 1910, т. XV, стр. 307 и сл. R. Gauthiot. Gr. I, стр. 13. Китайская транскрипция не может свидетельствовать о наличии в согдийском языке фонемы l и переходе $\delta \rightarrow l$, так как это только китайская транскрипция, которая часто бывает далека от истинного звучания слов, хотя она может передавать (равно как и среднеперсидская передача — *Sūlik*) близкое звучание этого этнического термина в юго-восточных согдийских говорах.

² W. Henning. The Soghdian loanwords in New-persian. BSOS, X, 1, стр. 97.

³ А. А. Фрейман. Доклад на заседании согдологического семинара, 3. III. 1950.

санскр. *lekḥā* — „письмо“ (Ст. п. IIa1; II. 61 и др.); *rudh*, перс. پيل „слон“.

В христианских текстах встречается ряд слов с *l* (в христианской — сирийской графике имеется знак для *-l-*), но это лишь точное перенесение написания оригинала.

Возникают вопросы — почему для передачи спiranта *-δ-* выбран арамейский знак для *-l-*? Почему в ряде случаев в заимствованных словах *l* передается через *-δ-* при преобладающей тенденции передавать *l* через *-r-*?

Р. Готью считает, что данное явление можно рассматривать как чисто графическое смешение знаков: сильно удлинённого арамейского далета с ламедом, сохранившимся в согдийском алфавите благодаря идеограммам. Написание указанных выше заимствованных слов с *-δ-* для *-l-* относится к тому периоду, когда для пишущего было живо двойное значение знака (*-δ-* и *-l-*). Позднее первоначальное значение знака (*-l-*) стерлось, и слова стали транскрибироваться через *-r-* (ср. *kδr'* и *krph*).

Однако оба знака передавали, по мнению Готью, фонему *-l-* или близкую к ней, иначе (если реальное звучание слов *rudh*, *dukḥ* соответствовало бы их написанию) необъяснима последующая передача *-l-* через *-r-*¹.

Последний довод Р. Готью не является достаточным для выделения *-l-* как особой фонемы, а говорит лишь о том, что звонкий спiranт *-δ-* в какой-то период имел вариант, приближающийся к *-l-*.

Этим может быть объяснен выбор арамейского ламеда для передачи согдийского звонкого переднеязычного спiranта *-δ-* (тем более, что *-d-*, как взрывной, является в согдийском языке вариантом другой фонемы *-t-*).

Тенденция к переходу *δ* → *l*, которая, возможно, была свойственна согдийскому языку, наряду с сакскими языками, в ранний период, не получила дальнейшего развития и реализации. Она уступила место другому фонетическому процессу — переходу *δ* → *d*, возможно, под влиянием проникающего сюда юго-западного иранского диалекта. Данные исторической фонетики ягнобского языка дают нам переход переднеязычных зубных спiranтов во взрывные *δ* → *d*; *ʋ* → *t* (в другом говоре *ʋ* → *s*)² Р. Готью указывает, что этот переход начался, повидимому, рано и за написанием удвоенного *δδ* в согдийских рукописях (VIII—X вв.) скрывается взрывной.³

В таком случае ясна причина изменений в передаче чуждой согдийскому языку фонемы *-l-* в заимствованных словах (передача *-l-* через

¹ R. Gauthiot. Gr. I, стр. 13—14.

² Geiger. Gr. Ir. Phl. I, 2, стр. 335—336.

³ R. Gauthiot. Gr. I, стр. 139.

-r — r-) и использование уйгурами знака для -r- (с диакритическим знаком -r-) для передачи -l- и знака -δ- для передачи -d-.

Но, как видно из всего изложенного выше, к проблеме языковых различий имеющихся в нашем распоряжении согдийских памятников, вопрос о фонеме -l- и переходе $\delta \rightarrow l$ отношения не имеет.

Вернемся к истории нашего вопроса. К. Г. Залеман указывает ряд фонетических, лексических и грамматических диалектных отличий в языке христианских текстов, а также различия в обозначении звуков. Лексические отличия, отмеченные им, сам же К. Г. Залеман определяет как отличия, обусловленные различием религии (речь идет о переводных религиозных текстах всех трех групп).

Фонетические отличия: стертость форм и отдельные фонетические переходы (так, неизвестный еще К. Г. Залеману переход $\vartheta r \rightarrow \check{s}$; $\delta r \rightarrow \check{z}$), по мнению всех исследователей, бесспорно определяются хронологическим фактором.

Более существенны отмеченные К. Г. Залеманом грамматические отличия: 1) отсутствие в языке христианских согдийских памятников формы местоимения 3-го лица ед. числа косвенного падежа *'wyp* (форму *wypij* К. Г. Залеман не считает идентичной форме *'wyp*); 2) различие в употреблении предлогов и частиц; 3) в глаголе — важнейшее различие — употребление в языке согдийско-христианских памятников формы 2-го лица мн. числа повелительного и изъявительного наклонений на *t*¹.

П. Тедеско и Э. Бенвенист уже не противопоставляют „буддийского“ *'wyp* и „манихейского“ и „христианского“ *wpy*, *wpyu*². Тедеско указывает также на наличие местоименной формы 3-го лица ед. числа ж. р. -x' с косвенным падежом *wy'* в языке христианских текстов, что еще не было известно К. Г. Залеману³. Частица *-лу*, о которой говорит Залеман, как об употребляющейся исключительно в языке буддийских текстов, как установлено в большинстве случаев, является идеограммой ZY для частицы *ty*, засвидетельствованной также и в христианских текстах (S. T., II, 6, 20; 44; S. T., II, стр. 86).

Ценной для решения вопроса о соотношении по языку различных групп памятников является работа Тедеско „Востоочноиранская именная флексия“⁴, где очень последовательно, с полным охватом имевшегося в то время материала, разработана история именной флексии в согдийском и сакских языках. Опубликованный в дальнейшем новый текстологический материал не опроверг основных положений работы для согдийского языка.

П. Тедеско установил, что древнюю флексию сохраняли лишь основы с краткими гласными, тогда как основы, имеющие в своем составе

¹ Manichaica V, стр. 1127—1129; стр. 1137 и сл. ИРАН. 1913.

² Gr. II, стр. 116, § 81; Z. I. I., IV, стр. 96, примеч. 1.

³ Z. I. I., IV, стр. 96, примеч. 1.

⁴ P. T e d e s c o. Ostiranische Nominalflexion. Z. I. I., IV, 1925.

долгую гласную, а также группы согласных с *-r*, *-nt*, *-št* флексию утратили.

Действие этого закона падало на эпоху, предшествующую языковому периоду, зафиксированному в памятниках: в наших текстах ритмический закон Тедеско неоднократно нарушается. П. Тедеско определил также в данной работе дальнейшие пути развития именной флексии: распространение флексии на долгие основы, разрушение старой флексии и сведение системы склонения до двухпадежной. Наиболее старые формы находит П. Тедеско в языке буддийских текстов, христианские тексты дают переходное состояние, и завершается намеченная П. Тедеско тенденция развития именной флексии в ягнобском языке. Вместе с тем, здесь же П. Тедеско выделяет две главные отличительные черты, тесно взаимосвязанные, разделяющие „согдийско-буддийский“ и „согдийско-христианский“ диалекты: наличие или отсутствие артикля и различия в выражении косвенного падежа местоимения 3-го лица ед. числа — через местоименную энклитику в буддийских текстах и преимущественно через косвенный падеж местоимения 3-го лица в христианских текстах¹.

Такую же картину рисует нам и Э. Бенвенист в грамматике согдийского языка, написанной им одновременно с работой П. Тедеско, но вышедшей несколько позднее².

Таким образом, все исследователи согласны с тем, что христианские тексты дают нам более позднюю стадию в развитии согдийского языка, сравнительно с литературным согдийским языком („национальным согдийским языком“ и „литературным“, „письменным“ языком по терминологии Р. Готью и „согдийско-буддийским“ по терминологии других авторов).

Вместе с тем, все перечисленные выше исследователи говорят все-таки о трех различных диалектах — буддийском (или национальном согдийском — Р. Готью), манихейском и христианском³.

¹ Z. I. I., IV, стр. 100. В другой своей работе, посвященной диалектным различиям в употреблении глагольных форм в иранских языках, П. Тедеско указывает на два диалектных отличительных признака: уже упомянутую выше флексию 2-го лица мн. ч. *-t'* в согдийско-христианском и употребление там же аналитического причастного перфекта в функции исторического прошедшего времени, наряду с прошедшим от основы настоящего времени. (См. P. T e d e s c o. A-Stämme und aya-Stämme in Iranschen. Z. I. I., II, Ht. 2., Leipzig, 1923). Но по переводным религиозным текстам трудно судить о согдийском синтаксисе, тем более, что широкое употребление перфекта встречается и в языке „Старых писем“, в других своих чертах более близком литературному языку.

² E. Benveniste. Essai de Grammaire Sogdienne. Paris, 1929.

³ Из наличия трех различных диалектов — буддийского, манихейского и христианского — исходит И. Гершевич в последней фундаментальной работе по согдийскому языку — „Грамматике манихейского согдийского языка“ (см. I. Gershevitch. A Grammar of Manichean Sogdien. Oxford, 1954). Отмечая близость манихейской и христианской орфографии к живому согдийскому языку VII—IX вв., в отличие от исторической орфографии собственно согдийской письменности, И. Гершевич при изложении материала неоднократно приводит ряд диалектных различий в употреблении от-

Основным и решающим аргументом для выделения трех вышеуказанных диалектов служит отсутствие в христианских текстах категории артикля и связанное с этим (как указал уже П. Тедеско) употребление формы косвенного падежа местоимения 3-го лица.

Правда, позднее В. Лентц указал на несколько случаев употребления артикля в христианских текстах: S.T., I, 34,1; 75,5; S.T., II, 4,35; 5; 15; 27; 30; 31¹. Этот факт очень интересен и должен быть учтен при рассмотрении истории употребления артикля в согдийском языке. Но единичные случаи употребления форм артикля в языке христианских текстов (они встречаются в четырех текстах, причем в трех из них по одному разу) не меняют положения: артикль в христианских текстах не употребляется.

Проф. А. А. Фрейман отвергает это своеобразное выделение диалектов по конфессиональному признаку. Отсутствие артикля в христианских текстах проф. А. А. Фрейман объясняет влиянием оригинала, рабским копированием сирийских конструкций. Совершенно справедливо проф. А. А. Фрейман заявляет, что нельзя представить себе, чтобы согдийцы буддисты, согдийцы манихеи и согдийцы христиане говорили на различных языках или диалектах, нельзя смешивать язык и культуру.

„Согдийский язык изучается, в основном, по текстам, составленным или переведенным с чужих языков представителями трех религиозных культов: буддийского, манихейского и христианского. Эти тексты являются, по преимуществу документами религиозного содержания, отражающими литературный стиль подлинников, с которых делались переводы на согдийский язык. Некоторые тексты, в особенности христианские, представляют прямую кальку с оригинала. Зарубежные согдологи считали возможным говорить о диалектах: согдийско-буддийском, согдийско-манихейском и согдийско-христианском. Разумеется, советская наука не может согласиться с этой точкой зрения. Речь могла бы здесь идти только о несходстве литературного стиля, о различных видах письменности, о разных алфавитах, употреблявшихся деятелями трех церквей. Согдийцы на всем пространстве, где были разбросаны их торговые фактории, говорили на одном согдийском языке, согдийские диалекты... подчинял себе... единый язык...“ согдийского народа. Об этом говорит сравнение языковой структуры, грамматики документов, составленных в разных культовых общинах в Синьдзяне, с грамматикой согдийских

дельных форм. Однако в данной работе мы не можем разобрать точку зрения И. Гершевича, так как ознакомились с „Грамматикой манихейского согдийского языка“ тогда, когда работа была уже в печати. Отметим здесь лишь, что эти особенности характеризуют язык манихейских текстов как язык более позднего периода сравнительно с временем фиксации литературного языка. Манихейский язык отстает от традиций этого последнего как языка письменности и отражает состояние языка, переходное между старосогдийским и языком периода христианских текстов.

¹ S. T., II, стр. 584, 600. См. глоссарий под словами *xw*, *wu*ny.

документов с горы Муг. Об этом говорят письма, пересылавшиеся из далекого Друана (Дунь-Хуана) в Самарканд¹.

Постановка вопроса у проф. А. А. Фреймана бесспорно верная, однако нельзя согласиться с объяснением отсутствия артикля в языке христианских текстов лишь рабским подражанием сирийским образцам, как „священным“ текстам, имевшим канонический характер.

Прежде всего артикль отсутствует не только в переводах Евангелия, но и в христианских легендах, житиях святых. Эти тексты канонического характера уже не имеют.

К тому же, при всей возможной искусственности переводов и возможном при этом нарушении обычных норм языка, такие нарушения не могут касаться строя языка, иначе язык этих переводов не будет понятным читателю.

Грамматический строй является основой языка, при нарушении его норм язык разрушается, перестает выполнять свою функцию.

Мы можем найти подтверждение этому и в языке переводов христианских текстов.

Телегди, исследуя язык христианских текстов, указывает, что в ряде случаев построение предложения, порядок слов, употребление в том или ином времени глагола в языке христианских текстов определяются стремлением следовать за оригиналом. Но это калькирование оригинала происходит лишь тогда, когда оно не противоречит строю языка². Следовательно, опустить артикль под влиянием оригинала было бы возможно лишь в том случае, если бы язык выработал уже (в течение многих веков и поколений) иные грамматические средства для выражения данных грамматических отношений.

Таким образом, если употребление артикля перестает быть грамматическим, закономерно обязательным показателем категории определенности, причем в языке не появляется другого способа выражения данной грамматической категории и, следовательно, последняя разрушается и исчезает, — то данная форма, по существу, перестает быть артиклем.

Если же форма, принимаемая за артикль, „теряет“ грамматическую закономерность употребления и выступает как анафорическое местоимение, то, следовательно, эта форма и ранее не была „чистым“ артиклем не утрачивала окончательно связи с местоимением, процесс ее грамматикализации не был завершен. Так обстоит дело, как будет показано ниже, и в согдийском языке.

Свидетельством тому, что в языке, на который переводились христианские тексты, в косвенном падеже артикль при имени не употреблялся, может, в известной мере, служить функционирование этих форм

¹ А. А. Фрейман. Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане. ВДИ, 1952, № 1, стр. 184. О влиянии сирийского оригинала на язык христианских текстов см. сб. „Хорезмийский язык“, стр. 33.

² T e l e g d i. Notes sur la grammaire du sogdien chretien. J. As., 1938, v. CCXXX, стр. 205 и сл.

в качестве притяжательных местоимений: м. р. *wyṣny*, ж. р. *wy'* и мн. число *wyṣn* (*wyṣnt*). К этому предположению приводят нас правила выражения определительной связи в литературном согдийском языке.

В литературном согдийском языке притяжательность передается формами косвенного падежа местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа *mn*, *mn'* и *tw'*, а также формами 1-го и 2-го лица мн. числа (не различающимися по падежам) *m'γw* и *šm'γw*¹.

В предложении формы местоимений с притяжательным значением являются определениями, и обороты с местоименным определением подчиняются общим правилам выражения определительной связи в согдийском языке²: определение ставится перед определяемым, причем, при наличии артикля или указательного местоимения при определяемом, вся группа определяемого оформляется артиклем (или указательным местоимением), при предложном управлении — предлогом, управляющим определяемым. В результате получаем следующий определительный комплекс: I артикль (или указательное местоимение) — определение — определяемое, II предлог — определение — определяемое.

Для христианских и части манихейских текстов, где артикль отсутствует, мы имеем такую конструкцию лишь при предложном управлении и при наличии при определяемом указательного местоимения:

pr mzyx wxr w'n pčqw'd'rt — „Громким голосом так возопила“ (Giv., 124—125);

'yny glyl'yq qwtry — „Этот галилейский род“ (Giv., 85—86).

В остальных случаях определительные отношения в этих текстах выражаются постановкой определения перед определяемым, согласованием прилагательного, постановкой имени существительного или местоимения, выступающего в роли определения, в косвенном падеже.

'wstyq'n tγw xšywnymynč dydm — „Ты возложишь царскую диадему“ (Giv., V, 194);

...trs'q'ny byy tyty mn' x'ny čys'r — „Христианский бог пришел в мой дом“ (Giv., 126);

rwxšny m't wyṣny ryt... — „Было сияющим его лицо“ (Giv., 165).

В литературном согдийском языке при определении, выраженном местоимением в притяжательной функции, определительный комплекс также оформляется артиклем (анафорическим местоимением).

rtu ms 'w mn' m'n L' 'nγw'y — „И не разрушай мою волю“ (V. J., 794—795);

ZY βγ' γwty ZKw mn' 'z'wnt... *δβ'r δβrt δ'r'y* — „О, господин, ты сам отдал в дар моих детей“ (V. J., 1148).

ZKn tw' prny [ny]my CWRh — „Половина туловища твоего величества“ (S. Tl. Ti стр. 474, стрк. 8).

'PZY ZK...ZKwh m'γw ryth L' wyn'y — „И чтобы он... не видел нашего лица“ (V. J., 260—261).

¹ См. Gr., II, стр. 108 и сл., §§ 79, 80.

² О выражении определительной связи в согдийском языке см. Gr., II §§ 149, 151.

Если бы в литературном согдийском языке функционировала форма косвенного падежа местоимения 3-го лица *'wup, wpu* (ср. *wupu, wpu* в языке христианских текстов), то при выступлении данной формы в притяжательной функции, мы получили бы стечение двух одинаковых (или близких) форм, имеющих разное значение и выполняющих различные функции: *'w 'wup* (имя существительное) или даже *wup, 'wup* (имя существительное). Таких стечений язык избегает. Приобретение формами *wupu, wu', wušn(t)* нового значения — значения личного местоимения третьего лица, косвенного падежа сопровождалось отмиранием старого значения форм — анафоричности.

В то же время значение личного могло приобрести указательное, указательно-анафорическое местоимение, но не грамматический показатель категории определенности. То же самое можно сказать и об указательных местоимениях христианских текстов *xwpu* и *x'*.

Возникает вопрос, что же представляет собой этот ряд форм литературного языка, определяемых обычно как система артикля?

Э. Бенвенист скупно замечает, что мы имеем здесь подлинный определенный артикль (*un véritable article déterminé*)¹.

П. Тедеско, указывая на наличие артикля в согдийском языке, ничего не говорит о его функциях².

Проф. А. А. Фрейман характеризует исследуемый им артикль в родственном согдийскому хорезмийском языке следующим образом: „Все отмеченные артикли: *i, yā, vāp* — могут быть охарактеризованы по степени ослабления их первоначальной роли, как самостоятельных указательных местоимений, до полной утраты этой значимости и превращения их в настоящий артикль“. Об артикле *nāv* проф. Фрейман пишет: „... постпозитивный артикль. *نāv nāv* употребляется в языке наших документов при словах во множественном числе, выражая как бы категорию множественности“³.

Разрешение вопроса — показателем каких отношений является этот определенный артикль, каковы его функции — представляет значительные трудности, так как большая часть текстов, написанных литературным языком, — тексты переводные; оригинальные же тексты очень фрагментарны и не дают нам возможности проследить употребление этих форм на протяжении хотя бы одного полного, законченного повествования.

Однако, некоторые наблюдения все же можно сделать. Прежде всего нужно остановиться на функции артикля в языке „Старых писем“, стоя-

¹ Gr., II, стр. 121, § 85.

² Z. I. I., IV, стр. 95—98.

³ „Хорезм. сб.“, стр. 48. Функции артикля в хорезмийском языке, повидимому, близки к функциям артикля в литературном согдийском языке, но так как Глоссы не дают нам полного повествовательного контекста, а лишь отдельные фразы, то нельзя сделать окончательных выводов.

щих в языковом отношении особняком по сравнению с намеченными нами двумя группами памятников.

Так называемые „Старые письма“ представляют собой ряд частных писем начала IV в. н. э.¹ и являются наиболее значительными по объему текста из известных нам ранних согдийских документов.

Так как на протяжении нашего исследования нам неоднократно придется обращаться к языковому материалу „Старых писем“, необходимо сделать несколько замечаний относительно характера языка этих документов.

Авторы большей части писем различны, различны и адресаты. Одно из писем направлено в Самарканд. Связь колоний с собственно Согдом была очень тесной — в Согдиане находились семьи авторов писем (письмо II) и, наоборот, в Согде могли быть в течение долгого времени главы семей, находящиеся в колониях (письма I, III).

Следовательно, нельзя считать, что письма писались на каком-то особом диалекте, имевшем хождение в удаленных от центра Согдианы колониях, — они писались на том языке, который был в употреблении в самой Согдиане.

В колониях возможно наличие различных говоров, которые приносили с собой выходцы из различных областей Согдианы, но нельзя предположить там своего, особого, говора, во всяком случае для IV—VI вв. Поэтому мы можем привлечь языковой материал этих документов при исследовании общих процессов развития согдийского языка. Но при этом необходимо учесть, что язык эпистолярного жанра имеет свои особенности. На языке писем отражаются индивидуальные особенности речи автора данного письма, а иногда может иметь место и неправильное употребление форм в речи или только в письме. Критерием в этом случае может служить употребление одинаковых форм разными корреспондентами; кроме того, сами эти „неправильности“ также могут иметь лингвистическую ценность.

Язык эпистолярного жанра обычно содержит эпистолярные штампы, традиционные обороты, но наряду с ними — разговорные обороты и формы. И то и другое ценно для нас: первое — тем, что дает представление о старых формах, об исторической давности таких форм и оборотов; второе — тем, что доносит нам живые формы, редкие в языке других жанров и стилей.

В языке „Старых писем“ функции различных форм „артикла“ не однородны.

Артикль при имени в именительном и винительном падежах всегда привносит значение определенности. Он показывает, что речь идет о данном, конкретном, известном предмете. Очень часто ощущается лексиче-

¹ S. A. Stein. *Serindia* II, стр. 671, 776; H. Reichelt. *Die Soghdischen Handschriftenreste des britischen Museums*. T. II. *Die Nicht-buddhistischen. Texte*, 1931, стр. 1 и сл. О датировании их см. Henning. *The date of the sogdian Ancient Letters*. BSOAS, v. XII, 3—4 стр. 601.

ское значение артикля, то есть по существу здесь мы имеем анафорическое местоимение, лишь с более ослабленным значением, сравнительно с другими указательными местоимениями:

'XRZY *xwt'ynβ L' z'n'ymn k[t'rɔw]* ZYn ZNH *wy'pryt'kw cyn ZNH xwn šk'rtw wn'y'nt MN xwmt'n čymn čynstn 'WZYn—n ZNH p'r'kw n'pɔw ny's'ynt* — „Затем, господин, мы не знаем, смогут ли эти оставшиеся китайцы изгнать этих гуннов из Хумдана и из Чинистана или заберут ли они эти окрестные страны?“ (Ст. п., II, 17—18)¹.

'XRZY 'YK ZNH *prβtm βyz krt* — „Когда то последнее несчастье случилось“. (Ст. п. II, 33—34).

'XRZY ZNH *dykwh krt* — „Это письмо написал“ (букв. „(это) письмо сделано“). (Ст. п. II, 61).

'XRZYm ZK *sɔxnky prm'nh prf'w/srɔw ptγrɔt* — „И я тот устный приказ усвоила“. (Ст. п., III, 21).

Артикль употребляется при имени, далее определенном придаточным определительным предложением или поясняемом последующим контекстом:

'XRZY *ptwyδ'm 'č βynptw ZKw srδm'nytw*. . . „(но) я знаю от жреца такой выход: . . .“ (Ст. п., I, 10).

'XRZY *xwt'ynβ m'xnč w'prmw ZNH w't δ'r'ymn ZKZY MN K 't. . . δrw'n prmw 'skwt* — „Потом, господин, у нас там этот ветер, который бывает (дует) из К. . . в Друан“. (Ст. п., II, 25—26). И далее: *č' prmw ZYn ZNH syskwny nw't* — „когда этот выбивающий слезу (леденящий?) дует. . .“ (Ст. п., II, 27).

Собственные имена и титулатура (для корреспондентов и адресатов титулы также однозначно обозначают лицо, как собственные имена) употребляются обычно без артикля, что отличает язык „Старых писем“ от языка текстов, написанных литературным языком. Однако в нескольких случаях артикль здесь появляется:

ZKw *βɔw* (Ст. п., III, 24). Z[K] *nsy''x* (Ст. п., II, 38 и др.).

Отсутствие артикля не привносит значения неопределенности:

'XRZYšy 'st 3 srδ 'YKZY *mnč pčβnt 'βy'rt* — „Прошло три года, как я получил ответ“ (Ст. п., II, 32—33) — речь идет о совершенно определенном ответе, никакой неопределенности в употреблении слова *pčβnt* — нет.

'YK 't srɔ pr''yt'nt. . . 'PZY 'yntkwɔt 'PZY *swγdykt 'XRZY MN δβz wysp mrt'nt* — „Когда достигли Сарага. . . и индусы и согдийцы — все умерли от голода“ (Ст. п., II, 37—38). И здесь речь идет об определенных согдийцах и индусах, проживающих в городе Сараге.

'XRZYš *rδnk š'yknw 'PZY rδnk knδh 'trɔw wyt 'XRZY swyt 'xw š'ykn 'PZY 'xh knδh w'[y]knt* — „И они подожгли укрепленный дворец

¹ Второе письмо цитируется по тексту, приведенному в работе Хеннинга. „The date of the sogdian Ancient Letters“. BSOAS, XII, № 3—4, стр. 601. Фотокопией текста этого письма я не располагала.

и укрепленную крепость и сгорел тот дворец, и ту крепость разрушили“ (Ст. п., II, 11—13).

'XRZYm dykh 'yt... 'XRZYm ZK dykh wyth... — „Мне пришло письмо, ... и я то письмо видел (прочел)“ (Ст. п. IV, 3—4).

В двух последних случаях употребление слов с артиклем и без артикля непосредственно соотносится, но и здесь, при употреблении без артикля в первых предложениях, имена *rδnk š'yknw*, *rδnk knδh*, *dykh* — не получают значения неопределенности — речь здесь идет о предметах конкретных, определенных для автора и читателя, отграниченных от однородных с ними предметов.

Следовательно, в этих случаях нет противопоставления грамматических категорий определенности и неопределенности, выраженных наличием или отсутствием артикля, а скорее употребление анафорического местоимения при повторном упоминании имени.

Материал „Старых писем“ дает нам всего лишь несколько случаев употребления форм артикля при именах в косвенных падежах: несколько случаев для местного падежа (в форме 'wy), два случая для косвенных падежей множественного числа (идеограмма *ZKyXMw* для *wyšnw*), один из которых повторяется в ряде писем; один — косвенного (род.-дат.?) ед. числа (идеограмма *ZKy* для 'wy?) — случай сомнительный, с недостаточно ясным контекстом. Этого недостаточно для того, чтобы установить какие-либо закономерности, однако можно заметить, что в некоторых случаях употребление артикля при косвенных падежах имени (говорить здесь можно, по существу, лишь о местном падеже) несколько отлично от употребления форм именительного и винительного падежей артикля, точнее анафорического местоимения.

'XRZY 'wy r'δyh šyr'kk ks'n — „(Если) я увижу в дороге доброе (дело)“ (Ст. п., I, 11—12)¹.

'XRZYm L' 'wy myδryh sxwn kšt L' [wy] 'zw'n — „Я не проронила слова ни в смерти, ни в жизни“ (Ст. п., III, 22).

'XRZY KZNH wytw δ'rt 'spnd't nym 'byrtw δ'rt 'wy r'δyh — „Так сказал: «Аспандат получил половину в дороге»“ (Ст. п., V, 24—25).

Во всех трех случаях анафорическое значение формы не выявляется.

Менее отчетливо это видно в следующих случаях: в формуле 'YKZY *ZKyXMw* βγ'γ'nw *byrt* — „Как боги получают (=как богам воздают)“ (Ст. п., II, 2; III, 1 2: IV, 2; VI, 1 (βγ'n)² и во втором (перевод предположителен) — 'X'ZY *ZKy š'wktu* *ZK n'k[r]tk* 'yt (вм. y't?) — „И (затем) Шаукаты серебро взяли“ (Ст. п., V, 26—27).

¹ *ks'n* 1-е л. желат. накл. в функции буд. вр. (такое употребление обычно для языка „Старых писем“, особенно для первого письма); *ks* — „видеть, увидеть, счесть за...“ ав. *kasa* — „видеть, замечать“. См. W. Henning. BSOAS, XI, ч. 3, стр. 475, прим. 4.

² См. W. Henning. Soghdische βγ'n., ZDMG, 90, 1936.

Артикль употребляется здесь при логическом субъекте в перфекте переходного глагола¹ и указывает на косвенный падеж имени.

Не исключается в этих случаях и обычное употребление анафорического местоимения.

И, наконец, в последнем случае, так же как в приведенных выше примерах употребления именительной и винительной формы „артикла“, *ZKyXMw* (*wyšnw*) — близко к анафорическому местоимению:

'PZYβn pr'ys'w MN ZKyXMw swγdyk'nw ZK[ZYč]ntry s'r wyt'rt — „Я писал Вам о тех согдийцах, которые ушли за границу“ (букв. „во вне“, „вон“). (Ст. п., II, 8—9).

Топонимические термины употребляются без артикла², причем здесь появляется уже флексия общего косвенного падежа — у долгих основ — для „Старых писем“ это нарушение ритмического закона — явление исключительное:

'P.Y δrw'ny 'skw'm — „Я пребываю в Друане“. (Ст. п., II, 9)

kč'ny 'skw'm — „Я пребываю в Качане“. (Ст. п., V, 7).

Засвидетельствовано употребление имени собственного, являющегося в предложении адресатом действия, без артикла, также с флексией косвенного падежа при долгой основе:

'XRZYšw ms βrz'kky δβryu — „И дай его Барзаку“. (Ст. п., II, 47).

Употребление артикла в литературном языке имеет ряд отличительных особенностей, сравнительно с употреблением этих форм в языке „Старых писем“.

В более ранних и более тщательно и грамотно выполненных рукописях текстов, написанных на литературном языке, можно проследить известную закономерность употребления форм именительного падежа и, в меньшей степени, винительного падежа. Эта закономерность поддерживает общепринятое определение этих форм, как форм определенного артикла.

К таким текстам относится прежде всего отрывок сказания о Рустеме, но текст этот дошел до нас в неполном виде, и выяснить характер артикла на его материале мы не имеем возможности. Также фрагментарны и лучшие по языку из переводных текстов — манихейские тексты. Большой и интересный оригинальный³ текст о магических заклинаниях и магическом значении камней (P₃) — текст более поздний, или, во всяком случае, он написан человеком, плохо знающим литературный язык.

Из буддийских текстов выделяются относительными художественными достоинствами — простотой языка, наличием занимательной фабулы — текст

¹ Об употреблении в языке „Старых писем“ пассивного перфекта переходного глагола см. ниже стр. 492 и сл.

² *'XRZY 'wy kr'čyh ptxwst* — „(Он) ранен в...“ (Ст. п., II, 40). Контекст не ясен. Вряд ли *kr'čyh* является топонимическим термином, как думает Х. Рейхельт (R II, стр. 17, прим. 2; стр. 49), так как топонимические термины в местном падеже обычно употребляются без артикла: ... *kč'ny; δrw'ny* — в Качане; в Друане.

³ См. W. Henning. BSOAS, XI, стр. 714.

Vessantara Jātaka. Несмотря на неоднократные случаи смешения форм артикля, а иногда и флексии, имеющие место и в этом тексте, он, более чем другие буддийские переводные тексты, дает возможность судить об отдельных фактах грамматики литературного языка.

Артикль здесь употребляется шире, чем в языке „Старых писем“. Так, здесь, так же как и в других текстах, написанных на литературном языке, артикль обязателен при именах собственных и титулатуре.

Для литературного языка обычно употребление имени с артиклем, особенно в именительном падеже (в винительном падеже, как увидим ниже, отступлений от этого правила больше; в косвенных падежах употребление артикля имеет иной характер).

Отсутствие артикля при имени в именительном падеже (а для некоторых текстов и в винительном падеже) указывает на неопределенность его или обозначение именем части целого:

p'r ZY n'γ čnn đwry z'yh pr''mnt ''t'nt — „потому что вот из далеких краев пришли брахманы“ (V. J., 142—143) *pr''mnt* — то есть какие-то представители касты брахманов, безотносительно к тому, какие это именно брахманы. И далее:

rtyšy č'n'kw ZKH pr''mnt wγn'nt — „и когда брахманы его увидели“ V. J., 147—148).

rtyšy ZKH pr'm'nt KZNH pt'yškw'nt — „И ему брахманы так ответили“ (V. J., 154—155). Кроме первого раза, слово *pr''mnt* — „брахманы“ на протяжении всего отрывка, в котором идет речь о брахманах, будет употребляться с артиклем.

При имени в единственном числе в этом случае может употребляться числительное *'yw* — „один“, выполняющее функцию неопределенного местоимения:

'PZYšn čnn pt'yčw s'r 'yw pr''mn ''ys — „Навстречу им шел один (какой-то, некий) брахман“ (V. J., 404) и далее:

rtyšy 'γw pr''mn KZNH w'β — „И ему брахман так ответил“ (V. J., 408. Также см. V. J., 452, стрк. 1 и 4; стрк. 56 и 60; 1076).

ZK mn' z'tk swδ'sh 'γw pwny'nh w'pryt ZY ZKw γyρδ ''zwnh δβ'r δβ'rt δ'rt rty nwkr šm'γw pr 'yw pyδ''n γwt'w — „У моего сына Судашан добродетель такова, что он собственных детей отдал в дар, а вы теперь об одном (каком-то) царе слонов (говорите)“ (V. J., 1377 и сл.).

'čw 'wy tntr'kk γryh βγy 'skw'z 'čw čytk ZYčw pr'ykh rty 'γw wyspaw mz'yγ krz wyδ's'nt — „Что было на горе Дандарак, из богов, из духов, из фей — все восхищались большому чуду“ (V. J., 1003 и сл. Также см. V. J. 49 и сл.; 76 и сл.).

То же при имени в винительном падеже:

rti nwkr žγ'rt 'st'nyk w'č kw tntr'kk γrw — „Тогда быстро послал гонца к горе Дандарак“ (V. J., 1384—1385) И далее:

rti č'n'kw 'γw zγ'nt k'w tntr'kk γrw pr'ys — „Когда вестник достиг горы Дандарак“ (V. J., 1389—1390).

В некоторых случаях семантика определенности так сильна, что форма артикля ощущается как указательное анафорическое местоимение:

rtý č'n'kw 'γw šβ'y γwt'w čnn γwtynh ZKw sywnw pt'yγwš — „Когда царь Шиви услышал от королевы такие слова...“ (V. J., 9).

'γw γwt'w dyw'nty mγδβy ZKw ptškw'nh pt'ys'ynt — „Царь одобрил такой ответ этого министра“ (V. J., 261—263).

Кроме явного значения неопределенности при отсутствии артикля при имени в именительном падеже, отметим и другие случаи, когда артикль опускается:

rtý prw wrtn mz'yγ rδδy 'ns'γt'kw γ'y zyryn'n'kw — „И над колесницей был устроен большой стяг, украшенный золотом“ (V. J., 341—345).

rtý 'wδ mz'yγ γ'δwk' 'ns'γt'w 'skw'y zyrynδ'kw — „И там был устроен большой трон с золотым подножием“ (V. J., 860).

'wyn šβ'y γwt'w z'tk 'z'yt — „У царя Шиви родился сын“ (V. J., 411, ср. стрк. 8 и др.).

Для выявления закономерности у нас недостаточно примеров, но можно предположить, что отсутствие артикля определяется инверсированным порядком слов — наличием постпозитивного предикативного определения.

В следующих случаях мы имеем колебания:

rtý WR kws kws β'γ'n'yk čntn βwδδh sw'ys'y 'skwn — „В каждом углу курился божественный сандал“ (V. J., 19—20).

rtý mrt mrt 'γ'z čnn δβnw čšm' γwrnw nyzty — „И из глаз каждой потекла кровавая слеза“ (букв. „потекла кровь“) (V. J., 277).

rtý ZKH 6RYPW 'ynčh mrt mrt čnn 'štnh 'γšyβty rws'y — „И у каждой из 60 тысяч женщин текло молоко из груди“ (V. J., 5a).

Но:

čnn dyβnw 'štnw βyks'r 'γw 'γšyβty pr'γ'z rws't — „Из обеих грудей потекло молоко“ (V. J., 1028—1029).

Отсутствие артикля в первых трех примерах объясняется, вероятно, тем, что имя обозначает вещество и выступает в предложении частично (ср. фр. *de* и др.), но, как мы видим из третьего примера, здесь есть уже колебания в употреблении артикля даже на протяжении одного и того же памятника.

rtý ZKW š'ykn'yk nγ'wδn pt'ym'ynč'nt rtý ZKw zywr βynt'nt rtý „βr'nt zp'rt γwt' PZY γwčw čš'nt ryzy'n — „И надели придворные одежды, и завязали браслеты, и принесли чистой пищи и подходящих напитков (питья) в изобилии“ (V. J., 1437 и сл.).

И здесь слова, обозначающие пищу и питье (вещество?), употребляются без артикля, в то время как слова с предметным значением употреблены с артиклем.

Без артикля употребляется имя, входящее в состав сказуемого

rtý 'γw wyspw δr'w s't δrymh ZY n'myt'kw β' — „И (эта) вся слава — все было ложью и обманом“ (V. J., 186).

...*'ky ZY 'wy n'β prn ZY 'δwh wm't* — „... который был для страны фарном и высшим благом“ (V. J., 221—222).

γwβw myn — „Будь царем“ (S. Tl., стр. 475, Ti, стрк. 13).

'zw mrtγm'n γwt'w swδ''šn wδwh 'ym — „Я есмь жена царя над людьми Судастана“ (V. J., 1048).

Но:

'γw rš'k pr''mn ZKw swδ''šn KZNH 'prs' tγw ZY 'ky 'yš kt'r 'γw zrw' kt'r 'γw ''δδβγ kt'r 'γw wyšprkr kt'r ZK n'r'yn ktrw 'γw βr'yšmn kt'r 'nyw βγy kt'r ykš' 'PZY čytk — „Брахман *Pu*ши так спросил Судастана „Ты кто есть? Или Аэруа, или Высший бог, или Вишвакарман, или Нарайян, или Врешаман, или какой-либо другой бог, или (какой-либо) якша или (какой-либо) дух?“ (V. J., 927—932).

Но и в таком, сравнительно благоприятном с точки зрения грамматических норм литературного языка тексте, как *Vessantara Jātaka* встречаются необъяснимые случаи отсутствия артикля, т. е. попросту пропуск артикля:

rtyšw 'YK' rš'k pr''mn pr'yp'... — „и когда брахман *Pu*ши увел его...“ (V. J., 960).

Неясно, почему опускается артикль при глаголе *'skw'-'*:

kδ 'γw zrw' γ'y rtyšy ryš'kh 'skw'y — „Если бы то был Аэруа, то у него была бы борода“ (V. J., 913—914).

В магическом тексте *P₃* невозможно установить никаких грамматических закономерностей и для артикля при именительном падеже имени. При совершенно одинаковом контексте в одних случаях артикль имеется, в других отсутствует:

'γw 'yw znk'n 'prtmčyk snk — „одного вида первый камень“ (*P₃*, 1—2).

rty γw 'čštyk snk — „третий камень“ (*P₃*, 31). (Также см. *P₃*, 10, 59, 75, 89, 99, 110).

И здесь же:

rtymš čtβ'rmyk snk — „четвертый камень...“ (*P₃*, 44)¹.

В последнем случае нельзя говорить об определенном члене. В то же время в ряде случаев *γw* может быть анафорическим местоимением:

rty γw rδy w'r w'r't — „И чтобы пошел благодатный дождь“ (*P₃*, 213).

Но:

rty pts'r čyw'yδ pyštrw mz'yγw w'r βwt — „После этого, затем, будет большой дождь“ (*P₃*, 258).

rty γw w'r ywn'yδ 'nč'ytk'n — „И (тот?) дождь тотчас прекратится“ (*P₃*, 267—268).

Но:

rty kδ w'r L' 'nč'y't — „Если дождь не прекращается...“ (*P₃*, 300).

И далее вновь с артиклем:

rty γyδ ZK w'r ywn'yδ 'nč'ytk'n — „И (тот?) дождь тотчас прекратится“ (*P₃*, 304).

¹ См. также *P₃*, 5, 17, 62, 77, 91—92 и 33, 114—115; 10—11; 83—86.

Употребление артикля при имени в винительном падеже расходится с его употреблением при именительном падеже. При винительном падеже имени случаи отсутствия артикля значительно более часты:

rtyšn mnšt'y zr'wnčh z'yh ZY srt γ'γh ZY ''γ'wδ wn'kh ZY 'sprym'kw ZY mγδ'ky — „И он показал им землю под овощами (букв. „землю овощей“), и святой источник, и закрывающие (от солнца) деревья, и цветы, и плоды“ (V. J., 960 и сл.).

Часто отсутствует артикль при имени в винительном падеже в том случае, когда прямое дополнение тесно примыкает к сказуемому, давая сочетание, близкое к сложному глаголу:

rty 'γw m'd ''γδ'kw γwyž — „И он так пожелал“ (букв. „желание попросил, пожелал“ (V. J., 37^a—38^a)).

rty ZNH žγ'rt m'r'kh wn'nt — „И они быстро совершили колдовство“ (V. J., 28^a—29^a).

rty č'n'kw'γw pr''mn δβ'r βyr... „И когда брахман получил дар,...“ (V. J., 1197).

Такую же картину имеем мы в тексте сказания о Рустеме. В то время как имя в именительном падеже употребляется там всегда с артиклем, при имени в винительном падеже артикль часто отсутствует, причем это никак не связано с выражением грамматической определенности:

mnč'y p'rδn sy'w'y 'spw prw wyš w'č... γwrt γwr'... 'nšp'kh pr'nštr — „остановился, снял седло, пустил лошадь на траву,... поел,... расстелил одежду“ (Руст., стрк. 6—7).

sy'w'y'nt w'r w'βrh zyδn RBKw twnt'r šyk'β'nt zwβ w'č'nt ''tr δβ'z pztu wytr'nt y'γy rwstmy prwyδ'k — „Подняли дождь, снег, град, сильный гром; разверзали пасти, пускали огонь, пламя, дым. Пошли, чтобы настигнуть отважного Рустема“ (Руст., стрк. 22—24).

В тех случаях, когда прямое дополнение занимает более независимое положение в предложении, когда оно имеет при себе определения, когда отсутствие артикля затрудняет понимание предложения, — имя в винительном падеже имеет при себе артикль, играющий, таким образом, структурную роль:

rtym's ''ys 'γw ywδ'βr'n rγšy ZKw rwstmy wyγr'ys — „И пришел Рахш с воинственным духом, разбудил Рустема“ (Руст., стрк. 25).

žγ'rt ptytynč ZKw pwrδnk' ctm n'wδn — „Быстро надел одежду из шкуры барса“ (Руст., стрк. 26—27).

ywnyδ žγ'rt ZKw β'r'yčk' βr'p's'nt — „Тотчас быстро погнали скакунов“ (Руст., стрк. 32—33).

Иной характер имеет употребление в литературном языке форм артикля при косвенных падежах имени.

В литературном языке сохранились формы артикля родительного-дательного и местного падежей. Кроме того, форма предлогов, требующих отложительно-инструментального падежа (*čn*, *δn*), показывает, что исто-

рически здесь имело место слияние предлога с формой артикля данного падежа¹. При выражении падежных отношений с помощью предлогов, в литературном языке артикль, как правило, не употребляется², но слитная форма целого ряда старых предлогов (кроме указанных выше, — *kw*, *prw*) говорит о том, что ранее такое сочетание было обычным. В литературном языке первоначальные формы предлогов, без слияния, не употребительны, слитные формы не противопоставляются формам без артикля — следовательно, в литературном языке в слитных формах наличие артикля уже не ощущается, слитная форма — лишь новая, и в этот период единственно употребляемая, форма предлога. Сочетание артикля с послелогом вполне возможно и широко засвидетельствовано. Так, при помощи послелогов уточняется (а в поздних рукописях и выражается) значение местного падежа.

Формы местного падежа употребляются для передачи нахождения где-нибудь (отвечают на вопрос „где?“) и направления во что-то или на что-то (отвечают на вопросы „во что?, на что?, куда?“), показателем местного падежа у имен с долгой основой является артикль, у имен с краткой основой — артикль и флексия:

'wy kndyh w'n'kw mnt'wysym'n — „В городе так страдаем“ (Руст., стрк. 9).

'wy kndyh γwny γwt'y — „В городе провозгласил“ (V. J., 48).

rty čw 'wyh n'βy pr'm'nt 'skw'z... — „Сколько было брахманов среди народа (в народе, в стране)...“ (V. J., 57—58).

rty mdy 'skw' 'wyh š'ykn — „И здесь останься во дворце“ (V. J., 796—797).

'wy γryh 'PZY βγ 'nyw γwrti nyst č'n'kw 'PZY mγδ'n — „На горе, о господин, нет иной пищи, чем фрукты“ (V. J., 956—957).

rty 'wy γr'γw ZKwyh z'yh pyz'nt — „И на землю бросились“ (V. J., 182—183).

rty 'wy š'ykny tys'nt — „И вошли во дворец“ (V. J., 859).

rty mn' ZKwyh γw'r'nt 'pkšy' tys — „И вошел мне в правый бок“ (V. J., 8).

'wy δsty "st — „взял в руки“ (V. J., 14, 94).

Послелог с местным падежом встречается в рукописи V. J. лишь шесть раз и в пяти из них он сочетается с артиклем:

ZY nwr 'wy δ;sth čntr čnn δβz' ZY čnn čšn' myr'm k'm — „Теперь я умру в пустыне от голода и жажды“ (V. J., 813—814).

rty nyδ ZKwyh k'n'kh čntr pr šyr'kh šm'r'kh — („И он сел в хижину для благочестивых размышлений“) (V. J., 967—968).

¹ См. H. Reichelt. Soghdisches, II, Z. I. I., VI, стр. 206—208.

² В манихейском тексте (рукоп. Tia) встречается оборот *MN wys'nt'l'y (t')yty* — „(один) из воров“ S. Tl., стр. 478, стрк. 5—6. Оборот, повидимому, не живой; за идеограммой *MN* скрывается здесь первоначальная форма предлога 'č, неоднократно встречающаяся в „Старых письмах“ наряду с *čn*.

'γw šβ'y γwt'w ZKw t'yw''kt 'wy 'yšktyh čntr tyny — „Царь Шиви препроводил детей на женскую половину“ (V. J., 1350—1351).

См. также V. J., 1424—1425 и V. J., 898 (здесь вм. артикля местного падежа поставлен переписчиком артикль род.-дат. пад.). И лишь в одном случае послелог сочетается с предлогом 'kw:

rtu č'n'kw 'kw knδh čntr tys'nt — „И когда они вошли в город...“ (V. J., 857—858).

Здесь непоследовательно при глаголе tys — „входить“, да еще с послелогом čntr употреблен предлог 'kw, передававший в литературном языке направление к чему-либо.

Два раза в V. J., имя с локативным значением употреблено без артикля:

rtu č'n'kw 'kw knδh čntr tys'nt rtu 'wδ š'ykny γ'y knδyh p'r'γz wys'kw — „И когда они вошли в город, там был, в городе, дворец, величественный, великолепный“ (V. J., 857—859).

rtu č'n'kw γw pr''mn ZKw z'kt δwry z'yh šykr — „И когда брахман повел детей в далекие края...“ (V. J., 998).

Но в этих случаях отсутствие артикля при имени не означает неопределенности данного имени и употребление имени с артиклем не противопоставляется употреблению имени без артикля.

В литературном согдийском языке форма артикля местного падежа является обязательным показателем падежа. Но в живом, разговорном языке имя с локативным значением, повидимому, могло употребляться и без артикля, а также и без предлога или послелога.

Показателен в этом отношении следующий случай: в двух манихейских рукописях (из которых одна написана согдийским алфавитом, другая — манихейским алфавитом) имеются две редакции следующей фразы: в первой č'n'kw t'm'k ZKwy w'rčn'y kwsy wun — „Когда он увидел меня в углу базара“ (S. Tl., стр. 466; TiTM, 418; R, стр. 4); во второй — без артикля č'nw t'm' w'črn kwsy — то же самое (M, 135; R, стр. 9)¹.

Такое употребление имени с локативным значением без предлога (артикля здесь уже нет) встречается в христианских текстах:

t yw 'ynč... pčyšd'rt wunij xupδ x'nij — „И одна женщина пригласила его в свой дом“ („приняла его в своем доме“) S. T., 1, 36, 15—16).

nyst tw' x'ny nyny — „Нет ли у тебя в доме хлеба?“ (Giv., 104).

wyd'rt x'ny wn' rwsty — „Увидел: в доме растет дерево“ (Giv., 119—120).

wyd'rt xwny wn' wdy wy'q qw šyrqty m't — „Увидел то дерево на том месте, где был святой“ (Giv., 169—170).

¹ Так как такое употребление имени с локативным значением не было отмечено ранее, В. Хеннинг считает такой оборот невозможным, замечая: „ZKwy-(wyu или wy') совершенно необходимо (is indispensable)“ BSOAS, XI, стр. 466, примечание e.

И, наконец, в ягнобском языке имя в косвенном падеже может иметь в предложении локативное значение, равно как значение адресата действия и принадлежности¹:

tau māli i alā wuz ast — „В твоём стаде есть пестрая коза“ (Gr, Ir. Phl., стр. 343, стрк. 26).

innūr pāsčai šāhri āim — „Я была сегодня в городе Падишаха“ (Там же, 15).

ḡāpi kām ikma āi — „В пещере был сделан дом“.

haŷzi dāḡi cāhiḍ an amān — „В пруд хозяин сада пустил воду“².

Чаще же и в ягнобском языке, и особенно в языке христианских текстов, локативные значения уточняются при помощи предлогов и послелогов. Удельный вес послеложных конструкций возрастает тем более, чем более отходят авторы или переписчики рукописей от традиций литературного языка.

В литературном языке послелог сопровождает имя, стоящее в местном падеже, выраженном обычно артиклем или и артиклем и флексией (для кратких основ).

Однако, уже в рукописи V. J., мы видели нарушение этого правила (V. J., 857—858, цит. выше)³.

В рукописях, отступающих от традиций литературного языка при послеложных конструкциях артикль зачастую отсутствует. При этом, никакого грамматического различия между теми случаями, где имеется артикль и теми, где артикль отсутствует, — нет.

В рукописи P₃ в совершенно одинаковых конструкциях, стоящих рядом, мы имеем то артикль (+ флексия) и послелог, то только артикль, то только послелог; флексия и форма артикля при этом часто искажены:

'PZYms... ZKw čšmy' čntr 'wsty... ZKwyh nnsy 'wst... ZKwy ḡwšy 'wst'y... ZKwy kwč'kyh 'wst'y čntr — „Положи (букв. „поставь“) в глаза... положи в нос... положи в уши... в рот положи“. (P₃ 292—295).

ZKwy ḡṛṛ'ḡh čntr — „в пададке“ (P₃, 157)
ZKwy ḡṛṛ'ḡh čntr — „ (P₃, 159)
ḡṛṛ'ḡh čntr — „ (P₃, 161).

¹ Gr. Ir. Phl, т. 1, ч. 2, стр. 337, § 81a, b. d.

² Два последних примера взяты из ягнобских материалов работы К. Г. Залемана „Ягнобские этюды“. Корректурa. Архив АН СССР. Во избежание искажения текста сохранена транскрипция К. Г. Залемана.

³ В другом случае, в рукописи V. J., локативное значение выражено именем с предлогом *k'w*, употребляющимся для выражения направления:

ṛtyšn βḡ' 'nyš L' pr'ḡt wṇ't č'n'kw k'w šβkws knḡh 'wyn šβ'y ḡwṛ'w — „И пусть, господи, не сможет их продать нигде, кроме как в городе Шивагоса, царю Шиви“ (V. J., 1229). Предлог *k'w* требует здесь перевода: „... не сможет их продать нигде, (вплоть) до города Шивагоса, царю Шиви“. Конструкция вызывает некоторое сомнение.

Таким образом, форма местного падежа артикля в литературном языке уже не имеет, по своему употреблению, характера определенного члена. В рукописях, более молодых и отступающих от традиций литературного языка (как P_3), форма артикля местного падежа употребляется беспорядочно, часто искажается и заменяется другими — становится очевидным, что это форма исчезающая и живому языку того времени, возможно, уже чуждая.

Не проявляется закономерностей употребления определенного члена в формах родительно-дательного падежа артикля.

Родительно-дательный падеж в согдийском языке передает отношения принадлежности в широком смысле слова и оформляет имя, являющееся в предложении адресатом действия.

В языке „Старых писем“ (в разобранной, прочитанной части их) артикль (анафорическое местоимение) родительно-дательного падежа при имени-адресате действия не засвидетельствован; в том случае, когда имя-адресат действия является именем собственным, артикль отсутствует: *'XRZYšw ms βrz'kky δβryy* — „...И дай его Барзаку“ (Ст. п., II, 47).

В литературном языке наличие артикля при имени-адресате действия обязательно:

rty 'γw swδ''šn 'wy mntr'yh KZNH w'β — „Судашан так сказал Мандре“ (V. J., 308—309; см. также V. J., 904).

ZKn swδ''šn KZNH w'β — „Судашану так сказал“ (V. J., 1202—1203), *rtyšw 'wyn pr''mn δβ'r δ'βr* — „и подарил его брахману“ (V. J., 251; см. также V. J., 200—203; 219—222; 341).

'kyty ZKn swδ''šn ZKw 'zw'n δ'βr... „Тот, который даровал жизнь Судашану“ (V. J., 337—8).

'γw pnčmyk mγδβy 'wyn šβ'y γwt'w pnt ZY pry wm't... — „Пятый министр был близок и мил царю Шиви...“ (V. J., 252 и сл.).

ZKn kysry w'nku w'β — „Цезарю так сказал“ (S. Tl., стр. 478; Tia, стрк. 18).

rty δβrty ZKn z't'yt [w]δ'yšth — „И дает сыновьям жен“ (S. Tl., стр. 486, TiiD, стрк. 6—7).

ZKn γwβw sm'tyh rty ršt'wč'r kwn'... — „...оказал (и) царю помощь и успокоили“ (S. Tl., стр. 483; TiiT, стрк. 7).

Но уже в тексте V. J. мы встречаем отклонение от этого правила: употребление имени-адресата действия с предлогом *kw*. Так, обычно, при глаголе *pr'm'y* — „приказывать“ употребляется косвенное дополнение с артиклем родительно-дательного падежа:

rty 'wyn z'tk swδ''šn KZNH pr'm'y — „...сыну Судашану так сказал“ (букв. „приказал“ — обращение лица вышестоящего к лицу, занимающему более низкое положение) (V. J., 263—264).

rty γw šβ'y γwt'w wysnw pr''mnty 'nyrks'yt... *KZNH pr'm'y* —

„Царь Шиви так приказал брахманам, звездочетам...“ (V. J., 7а и сл.).
rtu 'γw βγ'n βγtm [pwtu] 'wun ''n'nt KZNH pr'm'y — „Будда, самый божественный из богов, так сказал Ананде“ (1472—1473).

Но в одном случае вместо артикля мы имеем предлог *kw* с послелогом *s'r*.

rtu 'kw mγδβt' s'r m'δ pr'm'y — „Министрам так сказал“ (V. J., 234 и сл.).

То же самое в мугских документах:

rtu kw 'sky... kpc δβ'rkw δβry' — „Надо дать в дар высокому... мер“ (Согд. сб., стр. 40; 24, A2, стр. 4—6).

В языке христианских текстов такой способ оформления дополнения-адресата действия становится господствующим;

w'n γwd'rt mgntys xšywny qw d'dyn' xšywny s'r — „Так сказал царь Магн(и)тис царю Даднану“ (Giv., 181—183).

w'n frmd'rt qw wy' s'r — „Так сказала ей...“ (Giv., 155—156).

w'n γwd'rt qw mx'q'r [p]t[q]ry s'r — „Так сказал изображению Аполлона“ (Giv., 243—244).

Выражение принадлежности (в широком смысле слова) в согдийском языке тесно связано с оформлением определительного комплекса, так как имена, связанные отношением принадлежности, выступают как определение и определяемое.

В оформлении определительного комплекса в литературном языке большую роль играет артикль (анафорическое местоимение), и история его форм связана с историей оформления определительного комплекса.

В согдийском языке, как и в других северо-восточных иранских диалектах, определение всегда предшествует определяемому.

В языке „Старых писем“, в тех случаях, когда определяемое имеет артикль (анафорическое местоимение), последний предшествует определению и образует определительный комплекс:

ZNH prβtm βγpw — „(этот) последний багпур“ (китайский император) (Ст. п., II, 10—11);

ZNH p'r'kw n'pw — „(эти) окрестные страны“ (Ст. п., II, 18).

Однако в языке „Старых писем“ артикль (анафорическое местоимение), часто отсутствует. В этом случае определительные отношения, в том числе и притяжательные, выражаются лишь постановкой имени-определения перед определяемым и флексией для кратких основ имен существительных.

... *βγpw γурδ wmt't'nt* — „... (те которые) принадлежали багпуру (китайскому императору)“ (букв. „были собственными багпура“) (Ст. п., II, 16).

'WZY 'kwtu 'PZY 'WZY k's wδwh wmt't'w — „я... или жена собаки или (жена) свиньи“. (Ст. п., III, 24).

Употребление формы артикля (анафорического местоимения) родительного-дательного падежа при имени существительном в качестве определения здесь не зафиксировано.

В литературном языке, как указывалось выше, артикль употребляется шире, чем в языке „Старых писем“. Поэтому наиболее употребительная конструкция определительного комплекса в литературном языке — включение определения в группу определяемого, оформляемую артиклем или предлогом¹.

Однако возможны были и другие способы выражения определительной связи. При отсутствии артикля у определяемого, определение могло просто предшествовать определяемому (ср. приведенные выше примеры из языка „Старых писем“; из литературного языка мне такие примеры не известны) или быть оформленным артиклем родительного-дательного падежа.

'zw ZY'ym 'γw swδ''šn 'wyn šβ'y γwt'w z'tk — „Я есмь Судахан, сын царя Шиви“ (V. J., 419—420; 564—565; 622—623; 674—675; 727—728).

ZKn šβ'y γwt'w z'tk 'ym — „Я есмь сын царя Шиви“ (938—939).

ZKn tw' prny [ny] my CWRh ZKn mrtym'kty s'r mynt skwn ZY nymy ZKn nγšyryh mynt — „половина тела твоего величества подобна человеку и половина подобна зверю“ (S. Tl., стр. 474—475; Ti, стр. 8—10).

Традиционные нормы литературного языка стремятся сохранить определительный комплекс и наряду с оборотом *'zw ZY'ym 'γw swδ''šn 'wyn šβ'y γwt'w z'tk* (V. J. 419—420 и др.), мы имеем в V. J. обороты, построенные иначе, с включением определения в группу определяемого, которое получает артикль, несмотря на то, что является составной частью сказуемого.

'zw 'PZY'ym 'γw swδ''šn 'γw šβ'y γwt'w z'tk (V. J., 500—501);

'zw 'ZY'ym 'γw šβ'y γwt'w z'tk (swδ''šn n'm) (V. J., 1^a—2^d); 59^d—60^d; 14^e—15^e; 18^e—19^e) — „Я сын царя Шиви (по имени Судахан)“.

В языке христианских текстов, где артикля уже нет, определительная связь выражается только препозицией, а в тех случаях, когда определяемое имеет при себе предлог — так же, как и в литературном языке, образуется замкнутый определительный комплекс.

При исчезновении артикля, в определительном обороте мы получаем одно из таких положений, где долгие основы прежде всего получают флексию для морфологического выражения косвенного падежа определения: *pr čšmy [wy] (n) [γwš]y ptγwš zβ'ky (w) [β δsty'] βrγ'z p'dy 'γtr* — „при помощи зрения глаз, слуха ушей, языка речи, держания рук, ходьбы ног...“ (Sogd., стр. 64, стр. 9—11).

'γt nwqr b'γy xypδ'wnt — „Затем пришел хозяин сада“ (S. T., I, 21, 10), хотя в этом же тексте — *čn b'γ* — „из сада“ (S. T., I, 21, 9) и *čn xwt'w b'γ ... qty* — „сделано господом богом“ (S. T., I, 21, 17) — отсутствие флексии при долгой основе и сохранение старой флексии отложительного падежа при краткой основе.

¹ См. Gr., II, § 149, 151.

fčmbdy 'zwnt — „дети мира“ (S. Т., I, 43, 15);
čn rwxšny'qy 'zwnt — „[как] из детей света“ (S. Т., I, 43, 16);
pr b'wñjtj pwtst — „в книгах пророков“ (S. Т., I, 56, 12);
pr ...rwty ty'm — „на переходе через реку“ (S. Т., I, 60, 1);
wyñy ryty qšn — „[красивый] облик его лица“ (S. Т., II, 2, 10),
 хотя в этом же тексте *čn d'tbr* — „от судьи, судьей“ (S. Т., II, 2, 6—7); *d'tbr pyrnms'r* — „к судье“ (S. Т., II, 2, 4);
mrtxmy xwrny pšynčn' — „О, проливающий кровь людей!“ (S. Т., II, 6, 9—10).

Однако некоторые христианские тексты не дают нам нарушения ритмического закона Тедеско даже и в этом случае — к таковым относится легенда о распятии (S. Т., II, I, стр. 12 и сл.);

pr rwt žmb' — „на берегу реки“ (S. Т., II, 1, 20);
přšng d'rwq — „дерево креста“ (S. Т., II, 1, 79).

Не принимают флексии долгие основы в определительной конструкции в житии Баршайба (S. Т., II, 3, стр. 21 и сл.): *bywñyt w'xš* — „слова пророка“ (S. Т., II, 3, 24); *pr b'msnyq nm'č ny'm* „во время утренней молитвы“. То же в житии Симона (S. Т., II, 4, 17).

Повидимому, переводчик этих текстов или писец знали литературный язык и переносили сюда традиционную орфографию.

III

Не одинакова история употребления различных форм „артикля“. Проследивая употребление форм именительного падежа артикля (и, в некоторой степени, винительного падежа) в рукописях, лучше сохраняющих традиции литературного языка, можно отметить определенные грамматические закономерности — закономерности употребления определенного члена; за небольшим исключением (в разобранных нами выше случаях), артикль отсутствует лишь при грамматической неопределенности имени и при обобщенном характере его: при неопределенности имени, при обозначении именем части целого, при именном сказуемом.

В рукописях, отступающих от традиции литературного языка (возможно, более поздних), употребление этих форм утрачивает характер грамматической закономерности.

Формы винительного падежа „артикля“ утрачивают не только значение грамматической определенности но и анафоричности и выполняют в предложении структурную роль.

В употреблении форм косвенных падежей „артикля“ мы не найдем следов функционирования его как определенного члена даже в самых лучших, с точки зрения традиций литературного языка, рукописях. В таких рукописях имя в косвенном падеже всегда сопровождается артиклем, который превращается этим самым в простой показатель падежа. По мере того, как разрушаются традиционные нормы литературного языка, в рукописях, написанных литературным языком нару-

шаются закономерности употребления форм артикля; употребление их становится беспорядочным, случайным (особенно формы местного падежа артикля), формы часто смешиваются.

Смешение форм артикля наблюдается даже в лучших с точки зрения выдержанности норм литературного языка рукописях: так, в исследуемом нами тексте постоянно употребление артикля единственного числа при формах множественного числа и отсутствие артикля при субстантивации. На смешение форм артикля указывают Э. Бенвенист¹ и П. Тедеско.²

Еще более часты случаи смешения артикля в манихейских текстах, написанных на литературном языке:

t;w wny (ZKn) mrtu mr'z ptxrytδ'ryy — „Ты нанял этого человека — наемного рабочего?“ (S. Tl., стр. 467, M, 135, стрк. 36—37) — артикль родительно-дательного падежа стоит вместо артикля винительного падежа.

p'rtuſy xww (ZK) wun' jnyy frm't δ'ryy — „Ты ему приказал играть на лютне“ (букв. „приказал игру на лютне“) (Там же, стрк. 41—42) — артикль именительного падежа стоит вместо артикля винительного падежа. В. Хеннинг отмечает, что в манихейских текстах форма *ZKn* может употребляться как при родительно-дательном падеже имени, так и при винительном падеже³.

В манихейской рукописи M 135 (S. Tl., стр. 465 и сл.) отдельные части текста дают нам различную картину употребления артикля: в тексте рассказа о сверлильщике жемчуга артикль употребляется постоянно, хотя неоднократно случаи неправильного употребления форм (примеры приводились выше), в следующих же далее манихейских поучениях артикль встречается один раз:

wnyy ʔrβ'k...βxšy ʔwt — „Мудрому надлежит делить“ (S. Tl., стр. 465, стрк. 43—45).

Полный „беспорядок“ в употреблении артикля царит в рукописи очень интересного, оригинального — согдийского магического текста P₃, где одни и те же слова в аналогичных случаях употребляются то с артиклем женского рода, то с артиклем мужского рода, то вовсе без артикля:

ZKh 'sp'yt "ph — „белая вода“ P₃, 5;

ʔw š'w(β'm'k) "ph — „черная вода“ (P₃, 62; 77; 17);

ʔw kp'wtβ'm'k "ph — „голубоватая вода“ (P₃, 101—102);

kp'wtk "ph — „голубая вода“ (P₃, 114—115. Также см. P₃, 33).

Часты случаи неверного употребления форм артикля:

rty kd' ZKn mrtu m'k δnn "δ'k pr'w y'r β'y — „Если человек будет“

¹ E. Benveniste. Gr., II, § 86, стр. 123—125.

² P. Tedesco. Z. I. I., IV, стр. 98, § 9.

³ W. Henning. S. Tl., стр. 475. Примеч. 5.

в споре с кем-нибудь“ (P₃, 52—53) — здесь вместо артикля именительного падежа употреблен артикль родительно-дательного падежа.

rtyšw kδ'č δ'wn γ'n'kh βyks'r γw 'nyw mrtγm'k prβ'γtk L's'st δβ'rt — „Ни за что нельзя отдавать его за пределы дома, другому человеку“ (P₃, 79—81) — артикль именительного падежа употреблен вместо артикля родительно-дательного падежа.

'ky myδ snk ZKw γ'n'kyh δ'r't — „тот, кто такой камень дома имеет“ (P₃, 105) — артикль винительного падежа при имени в местном падеже.

Автор Карабалгасунской надписи старается следовать традиции и писать на литературном языке, но литературный язык он знает плохо. В тексте встречается несколько случаев употребления артикля, однако формы артикля он смешивает, употребляет неправильно, так, например, Krb. 18 — вместо артикля винительного падежа мн. числа стоит артикль родительно-дательного падежа ед. числа.

Если нарушение закономерностей употребления определенного члена, а для некоторых форм и полное отсутствие их, говорят о том, что разбираемые нами формы в период написания этих рукописей не являлись формами артикля, то многочисленные случаи смешения форм, безразличного употребления их (например, формы при местном падеже имени) говорят о том, что эти формы — отмирающие и живому, разговорному языку этого времени, повидимому, уже не свойственны.

Теперь, когда мы отметили особенности употребления форм артикля в различных группах памятников, попытаемся выяснить соотношение этих групп, определить истинный характер форм „артикля“ и их развитие в согдийском языке, соотносительно с разработанной уже в согдологии историей именной флексии.

С точки зрения грамматической системы имени (состояния флексии и наличия и функций форм артикля) среди рассмотренных нами памятников мы можем выделить три группы:

- 1) Памятники, написанные литературным языком;
- 2) „Старые письма“;
- 3) Христианские религиозные тексты.

Манихейские тексты с указанной точки зрения занимают промежуточное положение между первой и третьей группами.

Часть манихейских текстов записана литературным языком. Это рукописи: TiT M 418; M 135; TiiD 117; TiiD и др. см. S. Tl.; фрагменты *e* и *f* M 528; M 139 см. В. В. В.; фрагмент манихейской космогонии см. BSOAS, т. XII и др.

В другой своей части манихейские тексты отступают от традиций литературного языка. Здесь уже глубоко зашел процесс распространения флексии на долгие основы, характерный для языка христианских текстов, но краткие основы сохраняют еще свою старую флексию (См. ВВВ, стр. 57, 73). Формы артикля не встречаются в текстах рукописей TiiD 66 (см. S. Tl., стр. 472) в согдийском отрывке *xw'stw'nyβt*

(см. Sogd., стр. 63). Единичный и случайный характер носит появление этих форм в тексте BBV (рук. М 801), а в фрагменте „а“ (рук. М 113), „с“ (рук. TiiD 123), „d“ (рук. М 114) они и вовсе отсутствуют.

Появляется уже и форма притяжательного местоимения 3-го лица *wyṇu*.

pr ptyṇyt tmb'rt wysp'rōyū tkwšt čw wyṇyū 'rwxšt 'tyh ryj 'nxyjt. (BBV 566).

Язык, легший в основу литературного языка, в период закрепления его, как языка официальной письменности¹, его канонизации, имел шестипадежную именную флексию для кратких основ, категорию рода, числа. Так характеризует исходное состояние языка наших памятников П. Тедеско в неоднократно цитированной нами работе о восточно-иранской именной флексии².

Широкое употребление и наметавшиеся грамматические закономерности употребления разбираемых нами форм, как форм определенного члена, ослабление семантики, — свидетельствуют о том, что древнее указательно-анафорическое местоимение проявляет тенденцию превратиться в артикль, грамматикализироваться. Грамматикализуясь, формы указательно-анафорического местоимения включались в грамматическую систему имени, выражая падеж, род и число имени, являясь показателем субстантивации имени, оформляя определительный комплекс.

Особенно важна была их роль при долгих основах имен существительных, утративших свою флексию согласно ритмическому закону.

Можно предположить, что тенденция к выделению артикля в восточно-иранских языках связана с процессом распада древней именной флексии и частично компенсирует этот процесс, давая новые, дополнительные возможности выражения тех грамматических отношений, носителем которых была древняя флексия. Точно так же могут быть связаны между собой последующие процессы исчезновения одних форм и изменения функции других с распространением флексии на долгие основы, с детализацией падежных отношений аналитическим путем, при помощи предлогов и послелогов.

Насколько далеко зашел процесс грамматикализации и являлись ли разбираемые нами формы артикля действительно формами артикля — грамматического показателя, можно будет решить тогда, когда мы выясним дальнейшую судьбу этих форм.

¹ Необходимо оговорить, что употребление терминов „литературный язык“ и „письменный язык“ как синонимов не является принципиально правильным даже для ранних эпох, так как литературный язык включает еще, например, язык народного творчества и вообще устного литературного творчества. Но в данном случае, когда мы не знаем ничего о языке устного литературного творчества согдийцев и не можем располагать иным материалом, чем тот материал, который доносят нам письменные памятники, переплетение понятий „литературный язык“ и „письменный язык“ является неизбежным.

² Z. I. I., IV, стр. 105.

По мере того, как живой язык развивался и отходил все дальше и дальше от того состояния, которое зафиксировано нормами литературного языка, канонизированный литературный язык терял связь с живым языком, становился мертвым, искусственным.

В этой связи интересно для нас свидетельство китайских источников VIII-го века (привожу в переводе П. Пельо): „[Ces gens] ont quelques œuvres écrites (chou-ki)...; ils se transmettent les uns aux autres et l'enseignement de maître à élève en est ininterrompu“¹.

„У них есть некоторое число письменных трудов...; они их передают друг другу², и таким образом обучение от учителя к ученику продолжается непрерывно“.

Необходимость в таком толковании книг и вызывалась архаичностью языка, а, постоянная изустная передача, „непрерывное обучение“ поддерживало архаичные, традиционные языковые нормы, употребление старых форм.

С разрушением традиций литературного языка, в последний проникают формы из живого языка — долгие основы имен получают флексию появляющегося общего косвенного падежа, проникают слова с более молодым фонетическим обликом (переход $\vartheta r \rightarrow \check{s}$ и др.), новые предложно-поселожные способы выражения падежных отношений.

Старые флективные формы и формы артикля путаются и искажаются, употребление артикля становится случайным и все более редким — языковые формы, ставшие искусственными, выходят из употребления, древний язык, служивший в качестве литературного языка, разрушается.

Орфография рукописей, написанных литературным языком показывает, что в момент написания их литературный язык был мертвым, живому же языку не были свойственны ни категория артикля, ни шестипадежная флексия, ни действие ритмического закона.

Такое состояние и дает нам язык христианских и части манихейских текстов, который, повидимому, был близок к живому согдийскому языку VIII—X вв. (времени написания этих рукописей). За это говорит и фонетический облик языка христианских текстов: фонетические переходы и разговорная „стертость“ форм — $q\vartheta'rt \leftarrow 'krt \delta'rt$ — „он сделал“ (перфект); $p\check{c}qw'd'rt \leftarrow p\check{t}\check{s}qw'(t)\delta'rt$ — „он обратился“; $q' \leftarrow k'm$ — частица будущего времени; в 1-м лице ед. числа буд. вр. $-ng \leftarrow -m + q$ ³; переход $\vartheta r \rightarrow \check{s}$; $\delta r \rightarrow \check{z}$ и т. п.

¹ J. As., 1934, т. 224, № 1, стр. 48.

² Другой автор переводит это следующим образом: „Ils... se transmettent mutuellement l'intelligence des livres“ — „они передают друг другу смысл книг“. Hiouen — Thsang „Mémoires sur les contrées occidentales“, Trad. par St. Julien, т. I, стр. 13.

³ Как показывает более поздний, но орфографически более выдержанный текст — „Житие святого Гиваргиса (см. о чем ниже) — частица будущего времени в этот период сохраняла носовой. То же и в хорезмийском языке — в XIII в. частица буд. вр. выступает в форме $\check{z}$. Поэтому здесь и говорится только о „стертости“ формы в отдельных текстах, а не об изменении ее.

Материал, который дают нам христианские тексты, не является однородным.

В ряде текстов, опубликованных Ленцом (S. Т., II: текст о принятии крещения, житие святого Сергия, святого Даниила и др.) встречаются остатки старой флексии винит., инструм. — отложит. падежей:

pr wrnw — „верой“ (без контекста) (S. Т., II, 2, 1);

qw wuzry wrnw s'r — „истинно верующим“ (S. Т., II, 2, 19) винительный падеж с предлогами *pr* и *qw*;

čn wyr' — „... у человека“ (S. Т., II, 6, 26);

čn by' — „... у господа“ (S. Т., II, 6, 6, 31, 36) — флексия отложительно-инструментального падежа с предлогом *čn*.

Долгие основы в этих текстах большею частью флексии не принимают, а в некоторых случаях даже появляется „артиклъ“ (см. выше, стр. 466).

Старые падежные формы встречаются и в ряде текстов, опубликованных Ф. Мюллером. В этом отношении выделяется текст, написанный согдийским алфавитом (Т. II, В-46), Евангелие от Матфея (Т. II, В-66), отдельные формы встречаются и в других текстах:

't b'γ pr dwtsw wntūq' qw ... [n] ūt b'd'rjts' — „И сад доверит он другим садовникам“ (S. Т. I, 21, 12—13);

pr xjpb žmnw — „в свое время“ (S. Т. I, 21, 14);

pr xjpb dstw — „своею рукою“ (S. Т. I, 81, 7—8);

čn b'γ (S. Т. I, 21, 17; 67, 19; 85, 17; 74—75, 2—3).

Можно заметить, что старая флексия часто встречается в одних и тех же „застывших“ выражениях.

Появление „артикла“ в ранних христианских текстах говорит лишь о знакомстве писавшего эти тексты с литературным языком, а отнюдь не об употреблении его в живом языке того времени.

Иную картину дает язык Жития Св. Гиваргиса. Здесь остались уже только два падежа: прямой и косвенный. Прямое дополнение флексии не имеет¹, не имеет флексии и имя с предлогами *qw* и *pr* (предлоги, употреблявшиеся ранее с винительным падежом).

Долгие основы почти всегда принимают флексию: *x'ny* — „в доме“ (Giv., 98, 101, 104 и др.); *m'ny čyntr* — „в мыслях“ (Giv., 105); *pr ... zprt w'ty n'm* — „во имя... святого духа“ (Giv., 70);

z'qy dsty — „рука ребенка“ (Giv. 146—147); *ž'qy m't* — „мать ребенка“ (Giv., 153—154).

¹ „Однако здесь есть одно исключение: *xs d'r z'qy* — „береги ребенка...“ (Giv., 156—157). Ниже, в им. пад. *z'q* (Giv., 233) встречается без именного суффикса (*'k > y*), но может быть здесь оно по аналогии с *z'ty* — „сын“ принимает суффикс. В двух других случаях, где имя в вин. пад. имеет *-y* не суффиксального происхождения *-dsty* (Giv., 147) и *būy* (Giv., 142) — оно не является в то же время и падежной флексией. П. Тедеско считает это *y* (*i*) остатком др.-ир. флексии им. пад. **as* → **ah* → *i* (Z. I. I., IV, стр. 103 и далее). Р. Готью указывает на появление конечных редуцированных гласных (если в исходе слова имеется группа согласных и в ряде др. случаев) (Gr., I, § 187, 189).

Не принимают флексии лишь основы на $-y: \dot{c}n \dot{z}'y$ — „из земли“ (Giv., 88) и на $-y'q: wdy wy'q$ — „на том месте“ (Giv., 169). Системой именной флексии язык Жития св. Гиваргиса ближе к ягнобскому языку, чем к литературному языку. Таким образом все христианские тексты можно подразделить на две группы — ранне-христианские тексты и поздне-христианские тексты (вторая группа представлена только одним текстом — Житием св. Гиваргиса)¹. Артикль в языке христианских текстов отсутствует. Однако ряд местоименных форм этих текстов продолжает собой такие же (или близкие) формы указательно-анафорического местоимения или артикля литературного языка.

Указательные местоимения $xwny$, x' , $x'xwny$ продолжают собой формы именительного падежа „артикля“ γw , ZNh (γ'). Косвенный падеж личного местоимения третьего лица $wyny$, $wy' wy\dot{s}n(t)$ связан по своей форме с родительно-дательным падежом „артикля“. Эта связь свидетельствует о том, что имевшая место в истории согдийского языка тенденция выделения артикля, путем грамматикализации форм указательно-анафорического местоимения, не получила завершения, эти формы не превратились в грамматические показатели категории определенности, никогда не утрачивали окончательно своей местоименной семантики, несмотря на то, что такая тенденция имела еще в период фиксации литературного языка и предшествующий ему.

Литературный язык фиксирует тот момент в развитии согдийского языка, когда старая система имени (шестипадежное склонение, действие ритмического закона) начала уже разрушаться. Этот процесс распространялся и на систему указательно-анафорического местоимения-артикля. Формы именительного падежа, сохранившие в дальнейшем свое указательно-анафорическое значение дольше всех и лучше всех сохраняют в рукописях, написанных на литературном языке, свое первоначальное значение. В значительно меньшей мере, но все-таки некоторое время сохраняет первоначальное значение форма винительного падежа местоимения, употреблявшегося уже менее закономерно, вернее с новой закономерностью — в зависимости от построения предложения. В дальнейшем эта форма исчезает. Исчезает и форма местного падежа².

Литературный язык уже не сохраняет нам ее первоначального значения. Форму, чуждую живому языку в период написания рукописи, сохраняет лишь традиция. Употребление ее приобретает случайный

¹ То, что О. Хансен считает показателем более раннего времени этого текста, сравнительно с текстами, опубликованными Ф. Мюллером (S. T., I) — наличие носового в частице буд. вр. $q'n$ (или $q'm$), отсутствие стяжения в 1-м лице ед. числа буд. вр., наличие во всех случаях r в послелоге $s'r$ говорит только о большей орфографической выдержанности этого памятника (см. выше, стр. 493).

² Встречающееся в христианских текстах местоимение женского рода 3-го лица косв. пад. ед. числа wy' продолжает $ZKwyh$ литературного языка (родительно-дательный падеж женского рода).

характер, для пишущего рукопись она является скорее показателем падежа, чем местоимением или артиклем. Широкое употребление формы родительно-дательного падежа анафорического местоимения можно объяснить также только стремлением автора или писца сохранить прежнее широкое и при определенном имени обязательное употребление анафорического местоимения, стремление следовать традициям, нормам литературного языка. В живом языке времени написания рукописи эта форма приобрела совсем другое значение, другую функцию — функцию личного местоимения.

В ягнобском языке местоимения 3-го лица ед. числа косв. падежа *awi* мн. числа *axtit* и *awtiti*.¹ Они отличны от засвидетельствованных в христианских текстах *wyṇu* и *wyšn(t)*. Косвенный падеж (ед. и мн. числа), равно как и множественное число прямого падежа, образованы по типу имен: прямой падеж от основы именительного падежа указательного местоимения *ax*, косвенный падеж — от основы косвенных падежей *aw-*. Различия здесь с языком христианских текстов, повидимому, диалектальные. Интересно, что форма *awi* представлена и в „Старых письмах“ и часто встречается в рукописях, написанных на литературном языке (*ZKwy* и *ZKy*).

Но в обоих случаях (в языке, засвидетельствованном нашими рукописями, и в ягнобском языке) один путь развития — от указательно-анафорического местоимения к личному местоимению 3-го лица, с утратой присущей старо-согдийскому указательно-анафорическому местоимению широты употребления и появляющихся грамматических закономерностей его употребления. Следовательно, этот процесс имел место в различных диалектах и, так же как разрушение старой согдийской системы именной флексии до двухпадежной, процесс изменения функций указательно-анафорического местоимения является общим для согдийского языка.

Сравнивая употребление указательно-анафорического местоимения в литературном языке и в языке „Старых писем“, мы отмечали, что в последнем сфера употребления его уже, чем в литературном языке: анафорическое местоимение не употребляется при именах собственных, при титулатуре, отсутствие анафорического местоимения при имени не является свидетельством неопределенности данного имени.

В языке „Старых писем“ тенденции к превращению указательно-анафорического местоимения в артикль не наблюдается. Необходимо при этом заметить, что формы косвенного падежа местоимения встречаются там лишь несколько раз, и, как уже указывалось, сделать вывод о характере употребления их нельзя, однако мы отметили (см. выше), что в разобранных нами случаях *'wu* не является ни грамматическим показателем определенности, ни местоимением.

¹ См. Gr. Ir. Phil., I, 2, стр. 338; В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков. Л., 1953, стр. 77.

Судя по употреблению форм указательно-анафорического местоимения в языке „Старых писем“, последние фиксируют нам языковой период более поздний, но близкий к периоду закрепления норм литературного языка.

Ритмический закон в языке „Старых писем“ в ряде случаев нарушается: принимают флексию долгие основы, например *sykpw* — „дворец“ (Ст. п., II, 12); *p'rw* — „народ“ (Ст. п., II, 10, 18); *m'xw* — „месяц“ (Ст. п., V, 32); *k'sy* — „...свиньи“ (Ст. п., III, 24); отсутствует флексия при краткой основе *wyspw sxwn pr'ys'w* — „я все написал“ (Ст. п., II, 30). В винительном падеже существительные женского рода обычно имеют флексию *ā* (повидимому, позднейшую). Разнобой в написании имен женского рода в винительном падеже можно наблюдать на протяжении одного письма (напр. во втором письме, в пятом).

Следовательно, процесс распространения флексии на долгие основы и смешения, распада старой флексии в период написания „Старых писем“ уже имел место — это подтверждает предположение, что закрепление норм литературного языка произошло раньше начала IV в. н. э.

Однако разрешение вопроса о хронологическом соотношении языка, легшего в основу литературного языка, и языка „Старых писем“ осложняется тем, что употребление глагольных форм выявляет другую картину. В языке „Старых писем“ употребляется пассивный перфект переходных глаголов, предшествовавший активному перфекту переходных глаголов, образованному при помощи вспомогательного глагола *δ'r*, который употребляется как в литературном языке, так и в языке христианских религиозных текстов. Перфекту непереходных глаголов, выраженному здесь так же, как в литературном языке и в языке христианских текстов (перфектное причастие на *t* + глагол — связка) соответствует „пассивное“ построение перфекта переходных глаголов: логический субъект стоит в косвенном падеже, логический объект — в именительном падеже, сказуемое выражено пассивным перфектным причастием:

'XRZYm pršt̄t γwtms'č — „я снарядил Хватамсача“ (Ст. п., II, 7);

'XRZYm ZK tw'xky prm'nhpr^[l]w srw ptγry^ʔt ... 'XRZYm 'L'wy mydryh sxwn kšt L' [wy] 'zw'n — „И я тот устный (?), приказ запомнила (уразумела) ... и я ни в смерти слова не сказала, ни в жизни“ (Ст. п., III 21—22);

'XRZYš rōnk š'yknw 'PZY rōnk knōh 'trwh w;t 'XRZY sw;t 'xw š'ykn 'PZY 'xh knōh w'[y]knt — „И они подожгли укрепленный дворец и крепость, и сгорел (сожгли) тот дворец и ту крепость разрушили“ (Ст. п., II, 11—13);

'XRZYm ZK dykh wyth — „Я то письмо видел“ (Ст. п., IV, 4).

Однако в согдийском языке, так же, как и в новосогдийском — ягнобском языке — пассивная конструкция имеет место только в перфекте переходных глаголов, в то время как в других иранских языках

(западных: среднеперсидском, парфянском и современных — курдском, талышском и др.; восточных: в афганском и в припамирских языках) пассивное построение распространилось и на простое прошедшее время и вытеснило древнее прошедшее время, образованное от основы настоящего времени.

В этом отношении согдийский язык сохраняет более архаичные черты глагольного строя, чем вышеупомянутые языки.

Согдийская пассивная конструкция перфекта переходных глаголов близка к древнеперсидским пассивным оборотам типа *ima tya manā krtam* — Перфектный характер этих оборотов отмечен А. Мейе¹.

Логический субъект при пассивном построении перфекта переходных глаголов в языке „Старых писем“ в большинстве случаев выражен местоименной энклитикой, в некоторых случаях — именем или местоимением с предлогом: *'XRZYm ms pryšt 'ny mrt* — „И я послал также другого человека“ (Ст. п., II, 35).

'XRZYxwt'ynβ 'st 8 srδ 'YKZYm pryšt čntry s'r s'γr'κ... 'XRZYšy 'st 3 srδ 'YKZYMnč pčβnt 'βy'rt — „Затем, господин, восемь лет, как я послал Сагарака... и три года, как я получил ответ“ (Ст. п., II, 31 33);

... *pyšt MN* — „... писал (такой-то)“ (Ст. п., IIб, I; II, 2; III 25; V 31 и др).

В формуле *YKZY wyšnw (ZKyXMw) βγ'nw βyrt* — „как боги получают (т. е. как богам воздают)“² — логический субъект передается местоимением *wyšnw*, являющимся общей формой 3-го лица мн. числа (без различия рода и падежа), а исторически соответствующим форме родительно-дательного падежа мн. числа.

Встречается также форма с артиклем, передаваемым идеограммой *ZKy(² wy)*, но перевод недостаточно ясен: *'XRZY ZKy s'wktly ZK n'k[r]tk 'yt* (вм. *y't?*) — „И (затем) Шаукаты (название племени?) взяли то серебро“ (Ст. п., V, 26—27).

Отдельные случаи употребления пассивного перфекта, удержавшиеся в определенных оборотах, имеем мы и в литературном языке:

KZNHZYmy pt/wšty — „так я слышал“ (P₅, 2 также см. P₇, 4; S. C. E, 1).

Э. Бенвенист считает, что в этих случаях мы имеем кальку с оборотов индийского оригинала (Gr., II, § 41, стр. 52—53), но пассивные обороты встречаются также и в оригинальных согдийских текстах; в эпистолярных формулах мугских документов:

pyšt MN... — „написал... (такой-то)“ Док. 19В. 16 (Согд. сб.) в аналогичных формулах в колофонах:

'PZY np'γšt ZNh pwt'st'k — „... написана рукопись... (там-то, такого-то числа)“ (P₂, 1233).

¹ A. Meillet. Grammaire du vieux perse. Paris, 1915, стр. 109, § 214.

² См. W. Henning. Soghdische βγ,π (ZDMG, 90; 1936).

Все эти случаи являются прямым продолжением старого пассивного перфекта, удерживавшегося, как показывает материал „Старых писем“, в разговорном языке еще в IV в. н. э.

Язык христианских текстов, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, не знает пассивного построения в перфекте переходных глаголов, здесь уже окончательно возобладало активное построение перфекта, образованного с помощью вспомогательного глагола *δ'r*, господствующее и в литературном языке; но в отдельных говорах согдийского языка он сохранялся и дожил до наших дней. Пассивное построение перфекта переходных глаголов имеет место в ягнобском языке. Ни в какой мере нельзя считать ягнобский перфект новообразованием (как это предполагает Э. Бенвенист Gr. II, стр. 45). Ягнобский перфект — это также продолжение старого согдийского пассивного построения перфекта переходных глаголов.

Но наряду с пассивным построением перфекта переходных глаголов, в языке „Старых писем“ употребляется и активная конструкция, образованная с помощью глагола *δ'rt*:

'XRZYM m'd wytw δ'rt — „И он мне так сказал“ (Ст. п., I, 10);

L' nm't δ'rt — „не разрешил“ (Ст. п., III, 8);

'XRZYM δβrtw δ'rt ZKw nkrtkw 'x... — „И дал мне эти деньги (серебро)...“ (Ст. п., V, 22). (Также см. Ст. п., V, 24—25; 28—30; VI, 4).

В тексте третьего и пятого писем перфект переходных глаголов с *δ'rt* употребляется наряду с пассивным перфектом, но в эпистолярных формулах — приветственных (*'YKZY wys'nw βγ'nw βyrt* см. выше), в адресе, в заключительных формулах — всегда употребляются пассивные обороты:

... *dykh '[t] sm'rknōh prsty't* — „... письмо послано в Самарканд“ (Ст. п., IIa, 1—2);

... *pyšt MN...* „писал... (такой-то)“ (Ст. п. IIб, I и т. д., цит. выше);

... *np'xšt ZNH dykh pr* — „... написано это письмо (такого-то числа)“ (Ст. п., III, 36; V, 32);

krt ZNH dykh (ZNH dykwh krt) — „написано (букв. „сделано“) это письмо...“ (Ст. п., II, 61; IV, 9; VI, 11; VII, 8).

Наличие пассивного перфекта в застывших эпистолярных формулах свидетельствует об употреблении его в предшествующую эпоху.

С другой стороны, употребление в языке „Старых писем“ двух типов перфекта переходных глаголов показывает, что в языке этого времени существовали уже оба типа. Для литературного языка случаи употребления перфекта первого типа (пассивного) единичны, но все-таки тоже имеют место. Следовательно, отрезок времени между периодом канонизации литературного языка и периодом „Старых писем“ (начало IV в. н. э.) не может быть велик. Как объяснить бóльшую архаичность глагольного строя языка „Старых писем“, наряду с более поздним характером системы имени (в частности, употребления артикля)?

Вероятно, активное построение перфекта с помощью вспомогательного глагола *δ'г* было закреплено как норма языка официальной письменности, литературного языка, в то время как в живом разговорном языке, в языке частной переписки, а тем более, в старых эпистолярных формулах пассивный перфект сохранялся дольше. В то же время характер и сфера употребления указательно-анафорического местоимения в живом разговорном языке уже несколько отошли от норм литературного языка.

Как показывает ягнобский язык, пассивный перфект сохранялся в говорах, и это поддерживало его употребление в языке корреспондентов „Старых писем“.

История употребления форм указательно-анафорического местоимения-артикла, прослеженная по различным группам памятников, показывает, что имевшая место в истории согдийского языка тенденция к выделению артикла, как грамматического показателя категории определенности, не получила развития и завершения. Тексты, написанные литературным языком, дают нам ряд свидетельств о процессах, происходивших в живом языке: отмирании одних форм и изменении значения других. С данными литературного языка согласуются данные языка „Старых писем“.

И, наконец, христианские тексты фиксируют результат этого общего для согдийского языка процесса — приобретение формами родительного падежа анафорического местоимения значения личного, падение форм винительного и местного падежей местоимения (артикла) и функционирование форм именительного падежа как указательно-анафорического местоимения, но уже без всякой тенденции к грамматикализации и выражению грамматической определенности.

История употребления указательно-анафорического местоимения, так же как и история именной флексии, показывает, что различия между языком, легшим в основу литературного языка, и языком христианских текстов в основном хронологические. Таким образом снимается главное и решающее основание для выделения особых „буддийского“ и „христианского“ диалектов.

Что остается из выдвигавшихся ранее „диалектальных“ отличий языка христианских текстов?

Изменения в семантике слов (*γwβ* будд. „хвалить“ и христ. „говорить“; *γrβ* будд. „понимать“ и христ. „знать“) могут быть вызваны как стилистическими особенностями различных текстов, так и изменением семантики слов в процессе развития языка.

Нельзя подобным образом объяснить употребление в языке христианских текстов глагольной флексии 2-го лица мн. числа *t'*, неизвестной из литературного языка. Для периода фиксации литературного языка флексии *-t'* и *-ə'* различались, по видимому, по диалектам. Распространение флексии 2-го лица мн. числа *-t'* — процесс более поздний, отраженный в языке манихейских текстов, где встречаются обе формы. Ягнобский язык, происходящий от диалекта, отличающегося в других

своих чертах от диалекта, легшего в основу литературного языка, сохранил флексию -ʒ'.

Такой же диалектальной особенностью может быть, как указывалось выше, уже в IV в. н. э. употребление пассивного перфекта в языке „Старых писем“ и употребление в литературном языке, наряду с формой указательного-анафорического местоимения родительно-дательного падежа -'wun, формы -'wu. Бесспорно, согдийский язык имел диалекты, один из которых и продолжает ягнобский язык — диалект, отличный от языка всех дошедших до нас согдийских памятников. Но дошедшие до нас памятники фиксируют не различные диалекты, а различные этапы развития согдийского языка, дают нам значительно больше материала для истории согдийского языка, чем для согдийской диалектологии. Выделять особый диалект христианских текстов у нас нет оснований.

Изменения, происшедшие в согдийском языке от того периода, когда нормы литературного языка были живыми, до периода того языкового состояния, какое дают нам христианские тексты — значительны, и, даже учитывая то, что бурная история Средней Азии этого периода и сложный этногенез народов ее влияли на процесс развития языка, ускоряя его, мы все же можем предполагать, что возраст согдийского литературного языка был значителен.

К сожалению, данные, которыми мы располагаем для этого периода истории Средней Азии, очень скудны.

Закрепление определенных норм языка, как обязательных для языка официальной письменности и языка литературы, характерно для периодов экономического и культурного расцвета данной страны, данного народа. Это требует и определенной политической стабилизации.

Политическая раздробленность Средней Азии в III—IV вв. препятствует отнесению процесса канонизации литературного языка к этому периоду.

Можно высказать предположение, что процесс этот падает на I — начало II вв. н. э. Широкие торговые и политические связи Средней Азии в первые века н. э. с Китаем, с Византией, значительная роль культурной деятельности согдийцев за пределами своей родины (например, переводческая деятельность в Китае во II—III вв.) — все это предполагает экономическую и политическую стабилизацию внутри страны и активную культурную жизнь согдийцев.

С большей уверенностью можно говорить о верхних хронологических гранях языка христианских текстов.

Уже самый характер этого языка показывает, что он близок к языку времени составления данных рукописей — VIII—IX вв. н. э. Исторические данные подтверждают это предположение. Распространение христианства в Средней Азии началось сравнительно поздно. Как указывает В. В. Бартольд: „Мы не имеем ни одного положительного известия о распространении христианства в Трансоксании в эпоху Сасанидов;

существует только догадка Юля... по которой христиане уже в VI в. имели епископа в Самарканде¹.

Больше всего усилий для распространения христианства в Средней Азии было предпринято в VIII—IX вв. н. э.²

К этому времени и относятся, вероятно, многочисленные переводы христианских текстов на согдийский язык.

Появление письменности на живом языке, современном для писавшего и читавшего рукопись согдийца, отказ от использования в письменности архаичного, мертвого языка нельзя объяснить только незнанием литературного языка христианами и манихейскими переводчиками.

Здесь сыграли роль два фактора. Прежде всего, в этот период происходило вытеснение согдийского языка таджикским. Официальным языком письменности стал вначале арабский, а затем таджикский язык. На таджикском языке развивается литература. Но литературный согдийский язык был еще достаточно известен и распространен в это время: на литературном согдийском языке стараются вести переписку, и даже документы хозяйственной отчетности, писцы из „канцелярии“ согдийского феодала Девастича, традициям литературного языка пытается следовать составитель Карабалгасунской надписи. Отказ христианских и манихейских деятелей — переводчиков религиозной литературы, от использования в письменности литературного согдийского языка вызван тем, что они стремятся говорить с народом на более близком и понятном ему языке, пытаясь привлечь и использовать в своих интересах народные массы — знаменательное явление для Средней Азии VIII—X вв., эпохи героической борьбы согдийского народа против арабских завоевателей³.

Список употребляющихся в работе сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории.
Зап. Вост. отд.	Русск. арх. о-ва — Записки Восточного отдела русского археологического общества.
ИАН	— Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук.
ИРАН	— Известия Российской академии наук.
С. В.	— Советское востоковедение.
Согд. сб.	— Согдийский сборник. Л., Изд-во АН СССР, 1934.
Ст. п.	— „Старые письма“. См. R. 2. Die Alten Briefe; W. Henning. The Date of the Soghdian Ancient Letters. BSOAS, XII, 3—4. London, 1948.
AW	— Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
BBB	— W. Henning. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. 1937. Abhandl. der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. Berlin, 1936, № 10.

¹ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб, 1893, стр. 7. „Зап. Вост. отд. Русск. арх. об-ва“, т. VIII.

² Там же, стр. 10.

³ К этому времени относятся: движение Абу-Муслима, восстания в Бухаре и Самарканде в 750—751 гг., мощное движение „людей в белых одеждах“ — восстание Муканны, народное восстание 806—810 гг. и т. д. См. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. 1, 1949, Гл. 9—10; А. Ю. Якубовский. Восстание Муканны. С. В. V, 1948, стр. 35 и сл.

- BSOS, BSOAS Bulletin of the school of Oriental (and African) Studies, University of London.
- Giv. O. Hansen. Berliner soghdische Texte. Bruchstücke einer soghdischen Version der Georgspassion. Abhandl. der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Kl. Berlin, 1941, № 10.
- Gr. I, II. R. Gauthiot. Essai de Grammaire Soghdienne p. I. Paris, 1914—1923; E. Benveniste, p. II. Paris, 1929.
- Gr. Ir. Phl. — Grundriss der Iranischen Philologie Herausgegeben von W. Geiger und E. Kühn, 1895—1901.
- J. As. — Journal asiatique.
- Krb. — O. Hansen. Zur sogdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgassun. Journal de la Société finno-ougrienne, XLIV, 3, 1930.
- P — Textes Sogdiens, édités, traduits et commentés par E. Benveniste. Mission Pelliot en Asie centrale, III. Paris, 1940.
- R I, II — H. Reichelt. Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, t. I. Die Buddhistischen Texte. Heidelberg, 1928; t. II. Die Nichtbuddhistischen Texte, 1931.
- S. C. E. — Le Sutra des Causes et des Effets du Bien et du Mal. Edité et traduit d'après les textes sogdien chinois et tibetains par R. Gauthiot et P. Pelliot. Paris, 1920.
- Sogd. — W. B. Henning. Sogdica. London, 1940.
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.
- S. T. I, II — F. W. K. Müller. Soghdische Texte, I. Berlin, 1913. F. W. K. Müller., W. Lentz. Soghdische Texte. II. Berlin, 1934. SPAW.
- S. Tl. — W. B. Henning. Sogdian Tales. BSOAS, XI, 1945.
- V. J. — Vessantara Yātaka. Texte sogdien édité, traduit et commenté par E. Benveniste. Paris, 1946, Mission Pelliot en Asie centrale, IV.
- Z. D. M. G. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
- Z. I. I. — Zeitschrift für Indologie und Iranistik.